

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Е. Ф. Литвинова](#)

-
- [Введение](#)
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Е. Ф. Литвинова
Жан Антуан Кондорсе (1743—1794). Его
жизнь и научно – политическая
деятельность

*Биографический очерк Е. Ф. Литвиновой
С портретом Кондорсе, гравированным в
Петербурге К. Адтом*

Введение

Имя Кондорсе известно математикам, экономистам, философам, политическим деятелям, но ни первые, ни вторые, ни третьи не составят себе полного понятия о силе ума этого замечательного человека, рассматривая какой-нибудь один род его деятельности, потому что ни в одной из названных областей знания он не сделал того, что мог бы сделать в том случае, если бы отдался исключительно одной науке. Личность этого истинного друга человечества так своеобразно отразилась на его деятельности, что понимание последней без уяснения первой сделалось невозможным. Великие современники Кондорсе – Д’Аламбер, Лагранж, Вольтер, Тюрго и другие – высоко ценили его ум и талант и все без исключения преклонялись перед его нравственностью. Однако слава Кондорсе при жизни и после смерти была далеко не пропорциональна его дарованиям и заслугам; толпа его не понимала; он слишком опередил свой век, и имя его никогда не гремело при жизни; не скоро отдали ему должное и по смерти. В истории Конвента имя Кондорсе кажется бледным сравнительно с именами Робеспьера, Дантона, Марата. В истории философии ему посвящают несколько строк. Не более благосклонны к нему были вплоть до нашего времени и представители других наук. В 1894 году в марте исполнилось сто лет со дня смерти Кондорсе, и отношение к нему во Франции совершенно изменилось. Эту знаменательную перемену наш известный экономист М. Ковалевский описывает следующим образом. В столетнюю годовщину смерти Кондорсе, родоначальника теории прогресса, Франция ставит ему памятник, которого до сих пор не удостоились ни Мирабо, ни Верньо, ни вожаки монтаньяров, за исключением одного только Дантона. В чем лежит причина такого пристрастия; какую особую притягательную силу имеет в себе эта личность; что заставляет различные партии окружать ее одинаковым почетом? В Кондорсе воплощаются одновременно и дух великого века философии, дух энциклопедистов и физиократов, и политические стремления, восторжествовавшие уже в наше время. В нем ученый математик, блестящий, экономист и публицист сливаются с одним из первых провозвестников и защитников народовластия, с действительным виновником проведенной Конвентом реформы публичного образования, наконец, с творцом той новой науки, которая приближается к современной нам истории культуры и гражданственности. В то же время Кондорсе как

политический деятель не забрызган кровью сентябрьских жертв; его имя не встречается в списке ближайших виновников смерти Людовика XVI; он ближе всех деятелей своего времени к интересам и задачам нашего. Современники его, пользовавшиеся в свое время большей славой, отходят теперь на второй план. Когда-то они затмили Кондорсе своими бросающимися в глаза качествами, теперь же истина вступает в свои права. И эта посмертная участь Кондорсе в высшей степени для нас поучительна. Из биографии Кондорсе мы увидим, что он сам менее всего стремился к славе и постоянно думал о благе человечества. Несмотря на это, мы, по всей вероятности, знали бы о личности его очень немного, если бы он не состоял в близких отношениях с Вольтером, Д'Аламбером и др. Теми биографическими данными, которыми мы теперь располагаем, мы обязаны также его близким друзьям и родным. Эти данные мы находим в биографии Кондорсе, написанной Араго, в биографии, приложенной к изданию его сочинений 1847 года, и, наконец, в позднейшем сочинении Робинэ «Vie de Condorcet» и в статье М. Ковалевского о Кондорсе в «Вестнике Европы» (1894 год, март и апрель). Но лучшими пособиями к уяснению личности Кондорсе служат переписка его с Тюрго и с Вольтером, написанные им биографии замечательных людей, в которых он так прекрасно высказывает свои общие взгляды на жизнь, а также его завещание или советы дочери, послание в стихах, посвященное жене, и, наконец, политическая исповедь, написанная в последний год жизни. Вот и все материалы, которыми можно располагать в настоящее время для уяснения сложной и в высшей степени интересной личности Кондорсе.

Глава I

Предки Кондорсе. – Мать и ее влияние в раннем детстве, развитие чувствительности и сдержанности. – Первоначальное образование в Реймсе. – Отрицательное влияние иезуитов. – Поступление в Наваррскую коллегию и первые успехи на математическом поприще. – Отношение Кондорсе к чистой науке. – Кондорсе и Д’Аламбер.

Жан Антуан Никола́ Коришот маркиз де Кондорсе принадлежал к древнему роду французской аристократии. Предки его известны между прочим тем, что едва ли не первыми во Франции приняли и стали открыто исповедовать протестантскую религию. Некоторые из них прославились своей храбростью на войне, другие занимали высокое положение в духовной иерархии и выдавались стойкостью своих убеждений. Отец Кондорсе служил капитаном в кавалерии. Дядя же, старший брат отца, был влиятельным епископом в Лизье и отличался сильным характером; он всегда выступал заклятым врагом янсенистов, против которых также много писал. Наследственный замок Кондорсе, находившийся в Дофинэ, перешел по наследству к старшей линии. Коришот Кондорсе родился 17 сентября 1743 года в Пикардии, в маленьком городке Рибемоне. Отец его умер в то время, когда сыну шел пятый год. Как видно, капитан оставил после себя ограниченное состояние: нам известно, что издержки по воспитанию Коришота принял на себя старший брат отца, епископ в Лизье. Мать Кондорсе, урожденная де Кудре, была женщина нежная, впечатлительная, сострадательная, пламенно преданная религии и в то же время преисполненная сословных предрассудков. Лишившись мужа и оставшись с ограниченными средствами, она чувствовала себя одинокой, беззащитной в жизни и прибегала к «теплой защитнице мира холодного»; она посвятила Божьей матери и своего единственного сына. Кондорсе от природы был крепкого сложения, широкоплечий, с высокой грудью. Его высокопоставленные родственники видели в нем будущего воина – храброго защитника Франции, а мать трепетала при одной мысли, что ее сын будет проливать чужую кровь и подвергать опасности свою жизнь.

До восьми лет Кондорсе не снимал белого длинного платья из тонкого батиста, обшитого кружевом; оно должно было служить символом чистоты и непорочности дитяти, посвященного Богу. Это платье вообще играло важную роль в жизни Кондорсе. Из-за него он позднее, чем его сверстники, поступил в школу: другие мальчики стали бы смеяться над ним и дергать за

юбку, называя девочкой; платье же мешало ему принимать участие в играх и шалостях. Он хорошо знал, в какой ужас пришла бы его мать, увидев сына в испачканном и разорванном платье; а это легко могло случиться, если бы он начал представлять из себя лошадку или кучера. Боязнь огорчить любимую мать приучила от природы живого и резвого мальчика сдерживать свои желания и порывы в самом раннем возрасте. Мать замечала, по всей вероятности, что слишком стесняет сына, и совесть упрекала ее за это, но мысль увидеть его с исцарапанным лицом или с подбитым глазом была невыносима тонкой, изящной аристократке. Наблюдательный, вдумчивый мальчик также замечал эту борьбу в сердце матери и старался казаться равнодушным каждый раз, когда ограничивали его детскую свободу; так научился он владеть и выражением своего лица. Вследствие неподвижности в детстве мускулы его развивались вяло; он так и остался неловким на всю жизнь и, жалуясь впоследствии на слабость ног, приписывал происхождение ее своему длинному белому платью, сильно стеснявшему движения их в детстве. Под влиянием матери в Кондорсе развились чувствительность и сострадание не только к людям, но и к животным. Отсутствие же детских игр и развлечений развило в нем наблюдательность и привычку размышлять. Но созерцательному ребенку, одаренному добрым и честным сердцем, приходилось часто слушать надменные разговоры родных, проникнутых сословными предрассудками, и он рано начал задумываться над вопросами справедливости и нравственности. Дядя-прелат вполне одобрял первоначальное глубоко религиозное воспитание своего племянника, но когда мальчику пошел девятый год, он заметил невестке, что пора наконец освободить будущего прелата или воина от женского платья, и через год он отвез мальчика в Реймс в учебное заведение, находившееся в то время в руках иезуитов. Умственные силы Кондорсе обнаружилось очень скоро: он прекрасно учился и особенно охотно занимался гуманитарными науками, составлявшими главные предметы в школе; но, несмотря на то, что Кондорсе провел свои отроческие годы под исключительным влиянием иезуитов, его доброе сердце помешало ему проникнуться свойственным им духом религиозной нетерпимости; напротив, противоположное чувство рано пустило в душе его глубокие корни.

В пятнадцать лет он был беспорочным и честным юношей; чувствительность его была так велика, что он не мог заниматься ни охотой, ни рыбной ловлей. Дядя-прелат очень усердно следил за успехами своего племянника и, вероятно, скоро заметив в нем проявления пытливого, свободного ума и несклонность к духовному поприщу, стал готовить его к

военному званию.

Всякое другое занятие считалось в то время унижительным для дворянина. Но для военного неизбежно знание математики, которая находилась в пренебрежении у иезуитов. То, что Кондорсе был отдан дядею к иезуитам, и наводит на мысль, что мальчика изначально готовили к духовному поприщу.

В 1758 году Кондорсе получил уже награду за успехи в словесных науках и перешел в Париж в Наваррскую коллегию, где начал свое математическое образование. Успехи его в этой науке были поразительны. Через десять месяцев после вступления своего в коллегию Кондорсе, в присутствии Д'Аламбера, Клеро и Фонтеня, превосходно защищал очень трудный тезис из области высшего анализа, и эти светила науки тогда же признали в нем своего будущего знаменитого собрата. Такое единогласное одобрение великих математиков возбудило в молодом Кондорсе ревностное желание отдаться математике. Однако ученая карьера не входила в планы его дяди и других родных; все они смотрели на занятия математикой как на переходный этап, необходимый для будущей военной карьеры. Вопреки всем желаниям родных, Кондорсе решил посвятить себя науке и, окончив курс в коллегии, поселился у своего бывшего учителя Жиро де Керуду в Париже, где вел тихую, скромную жизнь.

В то время, несмотря на молодость, он был уже глубоким мыслителем. Но не одна математика занимала ум и сердце семнадцатилетнего юноши; он предавался размышлениям об основах нравственности и справедливости и создавал свою собственную теорию нравственности.

С юных лет Кондорсе верил в то, что род человеческий способен к беспредельному совершенствованию, и самой приятной обязанностью считал непосредственное содействие этому бесконечному прогрессу; он также был убежден, что это вообще есть первая обязанность всякого человека, разум которого развит и укреплен наукой и размышлением.

В жизни и деятельности Кондорсе играли также очень важную роль личные привязанности. Дружба с Д'Аламбером возбудила в значительной степени его рвение к математике.

Большая восприимчивость и живость Д'Аламбера сглаживали неравенство лет; Д'Аламбер был двадцатью шестью годами старше Кондорсе, но умел зажигать в друзьях страсть к математике. Известное его сочинение «О системе мира» нашло в Кондорсе горячего поклонника и возбудило в нем желание заниматься теоретической астрономией. Под влиянием Д'Аламбера Кондорсе написал свое известное сочинение о так называемой задаче трех тел. Но не одна математика сблизила Кондорсе с

Д'Аламбером. Оба они обладали разносторонним умом, и частые сношения служили для них обоим источником многих удовольствий. Д'Аламбер всеми силами старался привязать Кондорсе к науке. Из переписки Д'Аламбера с Лагранжем мы узнаем, что Кондорсе мог сделаться членом Академии наук еще в 1768 году, то есть двадцати пяти лет, но тогда против этого сильно восстали его родственники, считая звание академика несовместимым с достоинством маркиза. Через год те же родственники наконец уступили упорному желанию Кондорсе посвятить себя науке, и в 1769 году он вступил в Академию. Деятельность Кондорсе на новом поприще была настолько значительна, что нам придется говорить о ней особо. Через шесть лет после своего поступления в Академию Кондорсе стал ее секретарем; он занял это почетное место после преодоления больших препятствий.

И здесь дело не обошлось без участия Д'Аламбера; 15 апреля 1775 года он писал Лагранжу: «Против меня и Кондорсе сильно интригуют в Академии, и король всех интриг – Бюффон». Через девять лет после того, как Кондорсе сделался секретарем Академии наук, он наконец был принят в члены Французской Академии на место Сареля. И здесь, как и в Академии наук, его ревностным защитником выступил Д'Аламбер, противником явился Бюффон, а конкурентом – астроном Бальи. Гримен упоминает об этом обстоятельстве в своей переписке; он говорит: «Д'Аламбер выиграл настоящее сражение, восторжествовав над Бюффоном». Известный своею пылкостью, Д'Аламбер воскликнул: «Я меньше был бы рад открытию квадратуры круга, чем этой победе». И это произошло за год до смерти Д'Аламбера. На горячую дружбу Д'Аламбера Кондорсе отвечал глубокой привязанностью; он принимал неизменное участие во всех событиях жизни Д'Аламбера, как это видно из переписки его с госпожой Леспинас, подругой великого математика. И Д'Аламбер понимал и ценил сердце Кондорсе настолько, что завещал ему заботиться о тех старых слугах, которые ухаживали за ним во время его последней, долгой и тяжелой, болезни. Кондорсе не обманул надежд Д'Аламбера: он в продолжение всей своей жизни окружал попечениями его старых служителей; после же смерти Кондорсе эти заботы приняла на себя его жена, а потом дочь и муж ее, Оконорэ.

Первый труд Кондорсе по математике относился к интегральному исчислению; он был представлен Академии наук в мае 1765 года и заслужил самые лучшие отзывы Д'Аламбера и Лагранжа. В это время Кондорсе с большим рвением занимался именно математикой, и его мемуары один за другим печатались в сборниках трудов академий

Берлинской, Петербургской, Болонской.

От чистой математики Кондорсе перешел к астрономии и занялся труднейшим вопросом об определении пути комет. Этим предметом занимались Ньютон, Фонтен, Эйлер; несмотря на последнее обстоятельство, вопрос был настолько еще не решен, что Берлинская Академия назначила в 1774 году премию за научную его обработку. Премии никто не заслужил, и присуждение ее отсрочили до 1778 года. В этом году Кондорсе получил ее пополам с Темпельгофом.

В июне этого года Лагранж писал Кондорсе: «Ваш превосходный труд заслужил бы полную премию, если бы Вы потрудились дать приложение Ваших общих теоретических соображений к какой-нибудь одной комете; это последнее условие входило в требование Берлинской Академии наук». Но для этого необходимы были сложные вычисления, которых всегда избегал Кондорсе. Он говорил, что механизм этого рода требует самого напряженного внимания и нисколько его не возбуждает. В упомянутом нами труде выступают с большою ясностью особенности научных занятий Кондорсе. Он легко преодолел все аналитические трудности и остановился перед сравнительно ничтожными; очевидно, при своих занятиях он не имел в виду решения задачи, поставленной Берлинской Академией, и потому выполнил только ту часть труда, которая представляла интерес для него самого. То же самое в большей или меньшей степени относится и ко всем другим его трудам в области точных наук. Он обращал слишком мало внимания на изложение. Его мысли иногда по глубине и силе можно сравнить с мыслями Эйлера и Лагранжа, но выражены они далеко не так просто, ясно и точно. Д'Аламбер, сам не всегда безупречный в этом отношении, удивлялся, что Кондорсе как бы совершенно забывал о своем читателе. В марте 1772 года он писал по этому поводу Лагранжу: «Я очень желаю, чтобы наш общий друг Кондорсе, обладающий таким сильным умом и талантом, изменил свою манеру писать, но должно быть она лежит в его природе». Эта небрежность в изложении научных трудов скорее обуславливалась отношением Кондорсе к точным наукам; он находил в них глубокий интерес, но считал эти занятия для себя и для своих современников делом второстепенным.

Занятия наукой он предпочел военной карьере, к которой чувствовал совершенную несклонность. Но слишком большая восприимчивость не давала ему ограничиться одной наукой, уйти в занятие математикой. И эта неспособность хотя бы на время всецело отрешиться от жизни наложила свою печать на все его научные труды. От математики Кондорсе легко и охотно переходил к вопросам нравственности, занимавшим его голову еще

в то время, когда он ходил в белом платье. Девятнадцати лет от роду в одном из своих писем к Тюрго он уже высказывал мысль, что, преследуя истину, необходимо прежде всего отложить всякие теологические соображения. Эта мысль созрела в его голове под кровлей иезуитов. В 1775 году он писал также Тюрго: «Необходимо подчинять все личные интересы чувству долга и беречь как драгоценный дар свою природную чувствительность и сострадание к ближним, которые составляют источник всякой добродетели».

Как ни скудны наши сведения о детстве и юности Кондорсе, нам понятна история внутреннего развития его главных свойств – чувствительности и сдержанности, которым он сам придавал такое большое значение в жизни. Прежде чем он начал учиться и стал размышлять, сердце его согрела любовь ко всему, что способно чувствовать и страдать.

После смерти Д'Аламбера Кондорсе только урывками занимался математикой; он начал было печатать свой новый трактат об интегральном исчислении, но издал только первые 16 листов, затем отдался другим занятиям и, по-видимому, совершенно о нем забыл; дальнейшая судьба этого замечательного труда нам, к сожалению, неизвестна.

Справедливость требует сказать, что такое отношение к чистой науке было более или менее свойственно всем французским математикам того времени.

Из биографии Д'Аламбера нам известно, что и его жизнь нередко отвлекала от науки наук; то же самое происходило с Лазаром Карно и Монжем; астроном Бальи погиб на эшафоте. Исключение в этом отношении представляет только Лаплас. Что касается Кондорсе, то отзывчивость его к вопиющим вопросам жизни не знала пределов. В занятиях своих математикой Кондорсе главным образом видел могучее средство развить и укрепить свой ум, и впоследствии он не раз и в письмах, и в разговорах высказывал оригинальную мысль, что научная деятельность служит подготовкой к общественному поприщу.

Оставив продолжение труда по интегральному исчислению, Кондорсе обратился к теории вероятностей, стремясь приложить ее к вопросам нравственности и политики. Это стремление было так ново в то время, что подняло целую бурю, и Кондорсе пришлось со всей энергией отстаивать возможность этого приложения. Теория вероятностей уже оказала великие услуги человечеству: она уяснила всю бесполезность лотерей, азартных игр, пролила истинный свет на все без нее непонятные финансовые операции, которые заключали в себе поистине нечто таинственное для

людей, незнакомых с этой теорией. Но Кондорсе хотел воспользоваться своими знаниями анализа, чтобы значительно расширить область приложения теории вероятностей к вопросам общественной жизни и проложить ей новый путь.

И в этом заключается его громадная заслуга, к сожалению последняя в области математики. Мало-помалу другие предметы совершенно отвлекли его внимание. В 1770 году Кондорсе сопровождал Д'Аламбера в его поездке в Ферней к Вольтеру. Несмотря на то, что Вольтер в то время был уже очень стар, он совершенно очаровал Кондорсе; последний писал Тюрго: «Я нашел Вольтера таким живым и деятельным, что готов был считать его бессмертным, если бы он не обнаружил такой беспощадной несправедливости к Руссо». Во всяком случае знакомство с Вольтером произвело сильное впечатление на Кондорсе и возбудило в нем страсть к литературе. С другой стороны, дружба с Тюрго склоняла его к занятиям политической экономией, имеющей близкое отношение к вопросам благосостояния человечества. Из этого, однако, не следует, что Кондорсе был человеком просто подчиняющимся постороннему влиянию. Для того чтобы понять, какое значение для него имела дружба, необходимо познакомиться со многими особенностями его характера и с его взглядом на дружбу.

Характеристикой замечательной личности Кондорсе мы обязаны двум женщинам: жене друга нашего философа, академика Сюора, и госпоже Леспинас, прозванной Музой «Энциклопедии» за свою близость к философам своего времени. Обе они сходятся, как мы увидим, в том, что господствующей чертой характера Кондорсе была доброта.

Глава II

Характер Кондорсе. – Г-жа Сюор о характере Кондорсе. – Портрет Кондорсе, набросанный г-жой Леспинас. – Отношение Кондорсе к Вольтеру и занятия литературой. – Мысли Кондорсе о дружбе. – Личность Тюрго и дружба с ним Кондорсе.

В воспоминаниях г-жи Сюор, жены академика, друга Кондорсе, мы находим следующее описание его личности: «Прелесть, какую я находила в его обществе, обуславливалась не изумительным разнообразием его идей, обнимавших одновременно физические и нравственные законы, – одним словом, все, что действует на разум и воображение... Нет, прелесть эта прежде всего лежала в его доброте, в доброте постоянной и неиссякаемой. Всегда забывая о себе для других, он, по-видимому, даже не замечал приносимых им жертв; его снисходительность ободряет каждого; охотно сознаешься ему во всех своих слабостях, и он жалеет вас, словно разделяя их. Его простота в обращении уничтожает всякую мысль о том, что вы находитесь в обществе одного из умнейших людей своего века. Не покидая высоты, на которой он сам находился, Кондорсе готов снизойти до интересов, волнующих заурядные умы. Спокойствие, с каким он обсуждает все, что его лично касается, стоит в поразительном контрасте с той живостью, с какой он относится к несчастиям своих друзей, и с готовностью поспешить к ним на помощь. Он хладнокровно переносит несправедливость, раз она касается его самого. Наоборот, малейшая обида, нанесенная его близким, вызывает в нем энергический отпор.» Сам ядовитый Гримм, которому Руссо так охотно приписывал разрыв свой с энциклопедистами и чьи сарказмы преследовали его до могилы, не находит для Кондорсе ничего кроме похвалы. «Это сильный ум, – пишет он, – склонный к философии; доброта блещет в его глазах, и вся наружность говорит о прекраснейших и самых мирных качествах души. Все друзья в один голос величают его „добрым Кондорсе“.»

В дальнейшем, излагая биографию Кондорсе, мы на каждом шагу будем находить подтверждения меткой и справедливой характеристики, сделанной госпожой Сюор. Эта сознательная доброта, как мы увидим, одинаково проявляется в его практической и теоретической деятельности. Г-жа Сюор говорит здесь об отношении Кондорсе к друзьям, но для полноты этой характеристики нам остается прибавить, что друзьями его в этом отношении были все люди без исключения.

В XVIII веке в обществе энциклопедистов было в большом ходу писать портреты своих знакомых; кто не владел кистью, тот прибегал к перу. Портрет Кондорсе был набросан мастерской рукой г-жи де Леспинас, как видно, по его собственной просьбе. Г-жа де Леспинас принадлежала к кругу лучших друзей Кондорсе, и ее мнение о нем важно для нас, потому что вряд ли кто-нибудь другой из его современников обладал большей возможностью изучить его. «В лице Кондорсе, – пишет г-жа Леспинас, – бросается в глаза преобладающее качество его души – доброта; его мягкие черты не отличаются живостью; он держит себя просто и несколько небрежно. Всякий, кто посмотрит на него мимоходом, скорее скажет: „Вот добрый человек“, чем: „Вот умный человек“. Но из этого, конечно, нельзя заключить, чтобы Кондорсе был тем, кого принято называть добряком. Природа одарила его великим умом, сильным талантом. Ум его обладает божественным свойством: он бесконечен и вездесущ. Свойства его души аналогичны его уму, они отличаются таким же разнообразием и такой же силой. Доброта его безгранична; это своего рода фонд, на который может рассчитывать каждый, в нем нуждающийся.

Он обладает всеми оттенками доброты и за каждый из них мог бы быть безумно любим теми, кто его знает. Он отличается такою чувствительностью, что несчастья и страдания друзей всегда ощущает, как собственные. Он любит много и любит многих. Каждый из его друзей не мог желать от него ничего большего и мог считать себя его единственным другом. Между тем люди, мало знающие Кондорсе, легко могут принять его за человека холодного. Никому никогда не говорит он: *я вас люблю*, – но не упускает ни одного случая доказать это на деле. Он не располагает вас ни к каким припадкам нежности и сердечным излияниям; вы не придете к нему, чтобы открыть свое сердце, но также вам никогда не придет в голову скрывать от него что бы то ни было. С ним каждый чувствует себя, как с самим собою.

Я сказала – ум его отличается величайшим разнообразием; из этого можно было бы заключить, что беседа его самая оживленная и разговор полон очарования. В действительности же оказывается, что он в обществе большей частью молчит и говорит только то, о чем его спрашивают, или то, что он считает необходимым сказать. Кондорсе – плохой собеседник уже потому, что всегда имеет вид человека рассеянного или во что-то погруженного. В то же время в высшей степени странно, что от него ничто не ускользает; он замечает все до мельчайших подробностей, умеет подметить все смешное и передать это с такой тонкостью, с таким беспощадным остроумием, которое опять представляет резкий контраст с

его необыкновенной снисходительностью к людям.

Работая по десяти часов в день, Кондорсе имеет вид человека незанятого; он как будто теряет время и готов отдать его первому встречному; как философ отличается изумительной деятельностью, а вид у него спокойный, как у человека, которому все трын-трава. Он никогда не жалуется на то, что люди отнимают у него время, и его дверь всегда открыта для всех и каждого. Кондорсе совершенно отказался от светской жизни и предпочитает видаться с теми, кому он нужен. Он всем готов пожертвовать для других и дорожит только своими привязанностями. Он любит театр, но никогда не посещает его, чтобы иметь возможность отдавать короткие досуги своим друзьям. Кондорсе скуп на ласки, хотя иногда и у него являются припадки нежности – не из одной любезности обнимает и целует он своего друга после долгой разлуки.

Эта безмятежная душа, не выходящая обыкновенно из состояния равновесия, становится страстной и пламенной, когда речь идет о защите угнетенных или о защите свободы; в последних случаях он страдает, действует, говорит, пишет со всей энергией самого пылкого человека.

Я не знаю, свойственно ли Кондорсе чувство тщеславия, которому так сильно подвержены мы все; могу только сказать, что мне никогда и ни в каких случаях не удалось подметить в нем ни малейшего проявления этого чувства».

Сходство обеих приведенных нами характеристик бросается в глаза.

Итак, по мнению г-жи Леспинас, Кондорсе был полон самых резких контрастов, которые, однако, все легко объясняются соединением большой чувствительности с удивительной сдержанностью. Д'Аламбер говорил о нем: «Это вулкан, покрытый снегом».

Особого внимания заслуживает замечание Леспинас, что ей никогда не удавалось подметить в Кондорсе ни малейшего честолюбия. Разумеется, оно не укрылось бы от проницательных глаз Леспинас, если бы его можно было отыскать в сердце Кондорсе. Этим совершенным отсутствием честолюбия объясняется многое в жизни Кондорсе, и между прочим то, что у него совершенно не было *личных* врагов между современниками.

Вообще отношение его к людям можно назвать безукоризненным; в этом он стоит положительно выше всех своих великих современников; особенно же его характеризует с этой стороны дружба с Вольтером. «Жизнь Вольтера», написанная Кондорсе, представляет замечательное литературное произведение; оно служит и теперь лучшим источником для биографии первого. Мы находим здесь полное, всестороннее понимание личности великого писателя и верную, беспристрастную оценку его

деятельности. Но самое ценное для нас в данном случае то, что в биографии Вольтера, написанной Кондорсе, с особенной яркостью выступает все, что было лучшего в Вольтере. В предисловии своем к «Жизни Вольтера» Кондорсе говорит, что эта биография должна быть историей прогресса и искусств, которым принес Вольтер так много пользы своим гением, историей его могучего влияния на умственную жизнь и взгляды своих современников, наконец, историей долгой войны с предрассудками, объявленной философом в самые юные годы и окончившейся только с его смертью. Кондорсе как нельзя лучше сумел отделить главные черты характера Вольтера от других, второстепенных, которые мало гармонировали с первыми и в значительной степени ослабляли производимое им обаяние. Мы видели уже по выдержке из письма Кондорсе к Тюрго, приведенной в первой главе, что он нисколько не был ослеплен Вольтером, напротив, как нельзя лучше видел его слабости, но они никогда не могли в его глазах затмить достоинств Вольтера. Из объемистой переписки Кондорсе с Вольтером также видно, что первый очень часто говорил в глаза правду второму, но всегда так, что это нисколько не портило их отношений. Разумеется, это обуславливалось не одними внешними приемами, вежливостью или мягкостью, которыми в высшей степени обладал Кондорсе. И другие друзья Вольтера более или менее отличались теми же качествами, но никто из них не был в *такой степени* чужд зависти, как Кондорсе, и никому из них не была *так* дорога слава Вольтера. Такие отношения с Вольтером открыли Кондорсе возможность ближе узнать фернейского философа, и притом с лучшей стороны. Дружбу Вольтера и маркизы Шателе и личность последней, подвергавшуюся стольким пересудам, Кондорсе описывает следующим образом:

«Незадолго до начала гонений иная дружба доставила Вольтеру более теплое утешение и увеличила его любовь к уединению, – то была дружба маркизы де Шателе, тоже страстно преданной науке и славе. Она была философ, но исповедовала то философское учение, источник которого – сильная и свободная душа; она настолько изучила метафизику и геометрию, что могла разбирать Лейбница и переводить Ньютона, занималась искусствами, знала в них толк, но и им предпочитала изучение жизни людей и вообще человеческой природы. Такова была подруга, которую избрал Вольтер, чтобы вести жизнь чисто трудовую, украшенную только взаимной дружбой». Далее Кондорсе трогательно описывает смерть маркизы, которую ускорили ее усиленные занятия, и глубокую, безмолвную печаль Вольтера. Он говорит: «Вольтер искал и находил утешение в

усиленном труде. Многие приписывали это его бесчувственности». Кондорсе же, являясь знатоком человеческого сердца, замечает, что «уменьше сдерживать свои чувства чаще всего встречается у людей, способных сильно и глубоко чувствовать, к числу которых бесспорно принадлежал Вольтер». Престарелый философ сохранил, по словам Кондорсе, «до глубокой старости свой энтузиазм к свободе, деятельность министра Тюрго приводила его в такой восторг, что он не раз готов был целовать ту руку, которая подписывала декреты, клонившиеся к распространению свободы и равенства между людьми».

Переписка Кондорсе с Вольтером продолжалась около восьми лет, с первого дня знакомства и до самой смерти Вольтера в 1778 году. Мы, конечно, не имеем намерения входить в нее подробно, но приведем здесь те немногие выдержки, которые существенно необходимы для характеристики их отношений.

В биографии Вольтера Кондорсе рисует его врагом всякого угнетения и неправды. Он говорит: «Если добродетель состоит в том, чтобы делать добро и любить человечество со страстью, то кто больше Вольтера заслуживает название добродетельного? Желание добра и любовь к славе – единственные страсти, никогда его не покидавшие».

Он останавливает свое главное внимание на тех сочинениях Вольтера, в которых проводятся дорогие ему убеждения, и высоко ставит поэмы «Естественный закон» и «Разрушение Лиссабона», потому что встречает в них доказательства существования общечеловеческой нравственности, независимой от верований. Но самого большого одобрения, по его мнению, заслуживает «Трактат о веротерпимости, или Вопиющая кровь невинного».

Вольтер упорно добивался поставить на парижской сцене свою «Ирину» – трагедию, написанную им в глубокой старости. Кондорсе, предвидя неудачу этой пьесы, сильно восставал против желания Вольтера; он писал в Ферней по поводу этого в конце 1777 года: «Вспомните, что Вы приучили нас к совершенству своим описанием страстей, драматических положений и характеров, как Расин – к совершенству слога... Вы сами виноваты в нашей требовательности».

На это Вольтер отвечал Кондорсе следующим письмом:

«Ферней. 12 января 1778 г.

Мой милый всеобъемлющий философ, Ваши знания вызывают мое удивление, а Ваша дружба мне с каждым днем становится все драгоценней. Мне больно и стыдно, что я не разделяю вашего взгляда на попытку восьмидесятичетырехлетнего старика. Слезы на глазах образованных людей, понимающих страсти, убедили меня в том, что моя пьеса хорошо

написана и может иметь успех в Париже. Я буду в большом горе, если обманусь в своих ожиданиях. Я согласен со многими истинами, Вами высказанными, и могу еще от себя прибавить к ним многое. Когда я работал над превращением очерков в картину, Ваши умные и дружеские замечания увеличивали мои собственные сомнения. В искусствах трудно что-нибудь сделать без просвещенного друга».

Вольтер и Монтескье одно время враждовали между собой. Оба они не скрывали своих чувств. Вольтер, живя в Фернее, написал несколько критических заметок на «Дух законов» Монтескье и отослал их в Париж своим друзьям с просьбой их напечатать. Кондорсе восстал против этого желания и написал Вольтеру:

«Неужели Вы не видите, неужели Вы не понимаете, что за эти заметки Вас будут упрекать после всех Ваших похвал этому же писателю? Его поклонники, оскорбленные резкой формой вашей критики, начнут в Ваших сочинениях искать подобных же промахов и, без сомнения, найдут их: Цезарь и тот, рассказывая собственные подвиги, ошибался... Надеюсь, Вы простите мне, что я иду против Вас. Моя привязанность заставляет меня говорить Вам то, что для Вас полезно, а не то, что Вам вредит. Если бы я любил Вас менее, то во всем соглашался бы с Вами. Мне известны промахи Монтескье, но Вам-то не следует о них помнить».

На это письмо Кондорсе Вольтер отвечал:

«У меня нет слов для ответа на письмо истинного философа. Благодарю его от всего сердца. Что делать, всегда мы издали плохо различаем предметы. Никогда не стыдно ходить в школу, даже в лета Мафусаила; еще раз благодарю».

Но и Кондорсе, конечно, со своей стороны был за многое благодарен Вольтеру. Близкие сношения с великим писателем пробудили его природный крупный литературный талант.

Первым литературным сочинением Кондорсе было «Письмо теолога к автору „Словаря трех веков“»; оно отличалось блестящим остроумием. Он написал это сочинение в 1774 году и издал, не подписав своего имени. Достоинства этого сочинения были таковы, что его приписывали самому Вольтеру. Фернейский же философ был в то время так болен, что боялся всяких тревог и гонений, от которых сильно устал. Он убеждал всех, что его нельзя и подозревать в сочинении этого «Письма»; последнее выдавало глубокие математические познания автора, а он уже сорок лет как отказался от занятий математикой. В молодости Вольтер весьма усердно и довольно долгое время занимался математикой и физикой; ему даже не раз приходила в голову мысль посвятить себя этим наукам, но математик Клеро

отсоветовал ему это, сказав, что в математике он не пойдет дальше посредственности. Однако, по мнению Кондорсе, занятия математикой принесли очень много пользы Вольтеру, содействуя разностороннему развитию его ума.

Смелость «Письма теолога» настолько беспокоила Вольтера, что он говорил всем: «Я – восьмидесятилетний старик и хочу умереть на своей постели». В одном из своих писем он выразился таким образом об авторе «Письма теолога»: «Он красноречив и неосторожен. Письмо опасно и удивительно; оно без сомнения подымет на ноги всех врагов философии. Я не хочу ни славы автора, ни наказания за его смелость. Чтобы отважиться издать такое сочинение, нужно владеть стотысячной армией». Из всего этого мы видим, что первые шаги Кондорсе на литературном поприще были так же удачны, как и в области науки. Но и в литературе он также не сделал того, что мог бы совершить, потому что его неотразимо влекла к себе общественная жизнь, и он, под влиянием Тюрго, отдался занятиям политической экономией.

Из всех дружеских привязанностей Кондорсе самой сильной была привязанность к Тюрго. Это была совсем особенная дружба; для того, чтобы ее охарактеризовать, приведем слова Кондорсе о двух неразлучных друзьях – Жакье и Сера:

«Их дружба не принадлежала к разряду тех обыкновенных привязанностей, которые возникают и поддерживаются только общностью склонностей, мыслей и привычек.

Она обуславливалась естественным неодолимым влечением друг к другу. В таких возвышенных и глубоких привязанностях один чувствует все страдания другого и разделяет его радости. Такой друг – это не просто человек, которого предпочитаешь всем остальным; нет, это совершенно особенное существо; его даже не приходит в голову сравнивать с кем бы то ни было; мы любим в нем не его таланты и добродетели, – все это находим мы и у других в такой же степени, – а его самого. Отрицать такое чувство могут только несчастные люди, никогда его не испытывавшие».

Таким истинным другом Кондорсе был Тюрго. Все их убеждения, надежды, мечты и отношение к окружающей действительности были не только сходны, но вполне тождественны. При таких условиях Тюрго нетрудно было увлечь Кондорсе политической деятельностью, к которой он сам чувствовал живейшую склонность.

После смерти Тюрго Кондорсе написал его биографию. В своем предисловии к ней он говорит, что рассматривает Тюрго главным образом как философа, а не как государственного человека. Этот труд, *по* его

словам, – дань памяти великого человека, им нежно любимого, дружба которого была ему так приятна и полезна, что воспоминание о ней сделалось одним из прекрасных и печальных чувств, способных наполнить наше существование. Влияние личности Тюрго на жизнь Кондорсе было так велико, что нам приходится сказать о нем несколько слов. Кондорсе говорит также в упомянутой биографии:

«Среди министров, которые короткое время держат в руках своих власть, немногие заслуживают внимания. Нечего и упоминать о людях, разделявших убеждения и предрассудки своего века. Их история сливается со *всеобщей* историей. Но люди, одаренные высшими умственными способностями, с добродетелями, исключительно им свойственными, со взглядами, опередившими свой век, должны возбуждать интерес всех веков и народов. К числу таких людей принадлежал и Тюрго. Любовь ко всему человечеству, воодушевлявшая его, побудила и меня написать его биографию». Далее Кондорсе прибавляет, что дружба, конечно, не помешает ему быть беспристрастным, потому что «самое большее благодеяние, какое может оказать один человек другому, – это сказать ему или о нем правду, ничего не умаляя и ничего не преувеличивая». Биография Тюрго считается одним из лучших произведений Кондорсе.

Практические неудачи Тюрго как реформатора Кондорсе объясняет тем, что тот не мог для достижения своих целей пользоваться всякими средствами, которые были под руками, не разжигал человеческих страстей и старался действовать убеждением. Нам известно, что Кондорсе сошелся с Тюрго в период первой молодости, как и с Д'Аламбером. Посмотрим теперь, какое влияние имела эта дружба на жизнь и деятельность Кондорсе.

Глава III

Министерство Тюрго и его падение. – Перемены в политических взглядах Кондорсе. – Кондорсе – председатель комитета по уравниванию мер и весов. – Кондорсе как секретарь Академии наук. – Похвальные речи Кондорсе. – Речь Кондорсе, произнесенная во Французской Академии в присутствии Павла I.

Тюрго с особенным успехом занимался политической экономией; Кондорсе также очень рано начал заниматься этой наукой; он не только разделял взгляды Тюрго, но не мог отделить их от своих собственных, трудно это сделать и нам. Если Тюрго высказывал какое-нибудь мнение прежде, чем его молодой друг успевал выработать свое, то последний усваивал себе первое, но чувствовал, что сам неминуемо пришел бы к тому же. Совместный труд шел таким образом быстрее. Оба они, разрабатывая специальные вопросы о торговле хлебом, ревностно доказывали, что предоставление свободы здесь одинаково выгодно для всех, то есть для землевладельцев, земледельцев, продавцов и потребителей. Они горячо убеждали, что другого средства хоть немного поправить бедственное положение Франции в то время не существовало. Тюрго в сострадании к бедствиям человека не уступал Кондорсе, и оба друга работали над выяснением экономических вопросов под влиянием одного и того же чувства; они стремились к тому, чтобы понизить среднюю стоимость хлеба и установить правильное вознаграждение рабочих. Этот частный вопрос был дорог обоим философам также по своей тесной связи с более общими. Они признавали за всеми людьми без исключения неотъемлемое право свободно располагать своим умственным и физическим трудом и восставали против всех стеснительных формальностей.

После смерти Людовика XV для Тюрго, известного своей энергией и светлыми взглядами на общественные отношения, открылось широкое поле деятельности: сначала он сделался морским министром, а через месяц после того, в августе 1774 года, – министром финансов.

Заняв такой важный и высокий пост, Тюрго, разумеется, не забыл своего верного сотрудника в разработке вопросов политической экономии и философии. И прежде, во время недолгого управления морским министерством, Тюрго сумел привлечь к этому делу внимание своих просвещенных друзей. Д'Аламбер писал Лагранжу: «Вы, пожалуй, услышите, что я сделан директором каналов и получаю шесть тысяч

франков жалованья. Все это неправда. Кондорсе, Боссю и я, все мы из дружбы к Тюрго помогаем ему своими советами в этом деле, но мы отказались от вознаграждения, предложенного нам контролером финансов».

Из переписки Кондорсе с Тюрго мы узнаем, однако, что в 1774 году у Тюрго была мысль назначить Кондорсе инспектором чекана, на должность, сопряженную со значительным окладом, но Кондорсе поспешил отказаться от этого блестящего предложения. С первых дней министерства Тюрго он занял место председателя комитета по уравниванию мер и весов. В этой должности он был на своем месте; благодаря его трудам учредительное собрание постановило принять десятичную систему. Не довольствуясь этим успехом, он стремился распространить эту систему за пределы Франции и с этой целью писал польскому королю Станиславу Августу.

Легко понять, что Тюрго со своими философскими взглядами на жизнь должен был вступить в борьбу с существовавшими предрассудками; его считали опасным мечтателем, против него вооружались... Кондорсе, разумеется, не мог оставаться зрителем этой борьбы человека с бурной стихией, он принял в ней самое живое участие и употребил все возможные средства, чтобы разъяснить своим соотечественникам взгляды Тюрго и свои на существенные вопросы! Он выступил ярким противником взглядов Неккера, отрицавшего свободу торговли хлебом, остроумно осмеяв эти взгляды в своем сочинении «Письмо земледельца из Пикардии к протекционисту». Вольтер говорил об этом сочинении: «Это „Письмо“ – хорошая вещь, разумная вещь и в то же время хорошенькая вещица». Вольтер думал, что одно это «Письмо» способно образумить людей, но жестоко ошибся; его не поняли, и Кондорсе пришлось написать более подробный критический разбор мнений знаменитого женевского банкира Неккера. Сочинение это известно под названием «Рассуждений о торговле хлебом»; оно представляло строгое научное исследование этого предмета и в свое время произвело сильное впечатление, которое повлекло за собой общее восстание всех многочисленных приверженцев Неккера; с тех пор многие высокопоставленные лица сделались непримиримыми врагами Кондорсе. Министерство Тюрго было весьма кратковременно. Место Тюрго вскоре занял Неккер. Общественная деятельность Кондорсе была прервана; он хотел было сложить с себя и обязанности председателя комитета по уравниванию мер и весов, объясняя это следующим образом в письме к Морено: «Я высказался в таком смысле о трудах Неккера, что мне невозможно сохранить место, находящееся в зависимости от него. Мне неприятно быть удаленным его властью, а еще более – быть оставленным

по его милости». Однако, несмотря на назначение Неккера, Кондорсе до 1791 года занимал упомянутую должность; это можно объяснить только тем, что он был незаменим даже в глазах Неккера. Но, разумеется, одна эта деятельность не могла удовлетворить Кондорсе. Он снова обратился к науке. В одном из своих писем, относящихся к этому времени, он говорит о своей совместной деятельности с Тюрго во время министерства последнего: «Мы видели золотой сон, к сожалению, он продолжался не долго. Я снова отдаюсь геометрии. И скучно, и грустно работать для собственной славы после того, как испытал наслаждение труда на пользу человечества».

Тюрго же, разочарованный в результатах практической деятельности, отвечал ему следующее: «Я уверен, что одним служением науке можно принести больше пользы, чем занимая те второстепенные посты, на которых мы с Вами тщетно стараемся сделать добро и всего чаще становимся нехотя орудием несравненно большего зла».

После падения Тюрго и возвышения Неккера в угоду последнему все спешили высказаться против политико-экономических сочинений Кондорсе. Бюффон писал банкиру: «Я ничего не понимаю в этом языке богаделен; это какие-то попрошайки, величающие себя экономистами».

Не утерпел и Вольтер: он написал стихи в честь г-жи Неккер, преисполненные похвал ее супругу. Впрочем, такого рода стихи были только обычной данью вежливости в то время, и никто не придавал им важного значения. Однако Кондорсе не простил их Вольтеру. Наш философ сам не отдавал дани вредным обычаям. Он написал в Ферней: «Я сердит на Вас за эти стихи. Вы сами не знаете цены своему имени. Вы напоминаете человека, аплодирующего арлекину, передразнивающему Зосеру. Сам я не читал Ваших стихов, но слышал, что Вы сравниваете супруга Неккер с Катонем. Это, как хотите, напоминает мне одного иностранца, который рассказывал, что видел во Франции трех великих людей: Вольтера, Д'Аламбера и аббата Вуазенона».

Министерство Тюрго имело огромное влияние на всю дальнейшую деятельность Кондорсе; он здесь имел случай прекрасно изучить административный механизм Франции, глубоко понять и взвесить все его недостатки и их вредное влияние на будущее государства. Людям корыстолюбивым в то время представлялась полнейшая возможность сколько угодно ловить рыбу в мутной воде, а честным жилось так худо, что даже министр Тюрго предостерегал своего друга: «Вы нехорошо делаете, что пишете ко мне по почте; Вы этим вредите себе и своим друзьям. Прошу Вас, пересылайте мне письма через верных друзей или отдавайте их прямо

в руки моим курьерам». Подозрительность доходила в то время до того, что *черный кабинет* распечатывал даже письма министра. Свои мысли о положении Франции в то время Кондорсе весьма определенно и горячо высказал также в биографии Тюрго, изданной им в 1786 году; тогда уже маркиз, Кондорсе вооружался против злоупотреблений, совершаемых дворянством. Не останавливаясь на этих частностях, он, следуя своим философским воззрениям, доискивался самых общих причин неурядицы и бедствий. Как на основу благоустроенного общества он указывал, между прочим, на право пересматривать конституцию; он писал: «Неизменную конституцию можно получить только с неба; одному Богу свойственно давать вечные законы; между нами нет и великих древних законодателей; у нас нет дельфийской Пифии. Нынешние законодатели – люди обыкновенные; таким же людям могут они давать только временные законы». Не останавливаясь на этих общих замечаниях и зорко следя за всем, что делалось вокруг, Кондорсе обращал внимание на то, что требовало безотлагательного изменения; он обращал внимание правительства на необходимость изменения закона об уплате податей. Кондорсе первый заговорил также об опасных последствиях бумажных денег.

Много лет посвятил Кондорсе разъяснению различных вопросов, связанных с тем, что он сам называл общественным благосостоянием; теоретическая его деятельность в этом отношении представляет поразительное разнообразие. Он писал о монополии и монополистах, об уголовном суде, о свободе печати. В 1780 году Кондорсе издал свои знаменитые примечания к 29-й книге «Духа законов» Монтескье. Здесь он говорит о свойствах ума, необходимых законодателю, дает критерий для сравнения законов, перечисляет различные соображения, которые должны быть приняты во внимание при составлении законов, и так далее.

Мы уже говорили, что теоретическими исследованиями вопросов этики, политической экономии и политики Кондорсе занимался под влиянием природной сострадательности к людям. История его воззрений в области политики вполне подтверждает высказанное предположение. Сначала он восставал против пыток варварства, нетерпимости несправедливого суда, и его мысль работала над прямым устранением всех этих зол. Дальнейшие размышления привели его к выяснению более общих их причин, и он увидел спасение общества в экономических реформах, содействующих свободе труда. Деятельность Тюрго убедила его в том, что таким реформам мешают известные формы правления. Реформы Тюрго встретили сопротивление в консервативном парламенте, и Кондорсе

восстал против парламента. Во всех своих памфлетах и статьях, относящихся к тому времени, Кондорсе не говорит ни слова о возможности республики для Франции и в этом отношении стоит за монархию, убежденный в том, что правительство, внимая голосу народа, обуздает ненависть парламента к общепользным реформам. Он изменил свое мнение только после того, как потерял веру в Людовика XVI.

Почти все письма Кондорсе к Тюрго и к Вольтеру, относящиеся к этому времени, заключают порицание действий парламента; в одном письме он говорит: «Пока парламент будет иметь в своих руках полицейский надзор за книгопечатанием и цензуру – сила останется опасной. Отнимите их у него – сила останется за ним только в тех случаях, когда правда и разум будут на его стороне». В другом письме он прибавляет: «Пусть дадут народу хлеба и даровых судей – тогда можно терпеливо ждать неминуемой гибели предрассудков и всего, что находит в них свою защиту».

Действительно, парламент в это время отличался большой нетерпимостью и жег одну за другой полезные книги. Так, например, он запретил книгу Кондорсе об отмене барщины, и многие члены требовали ее сожжения.

В начале 1776 года Кондорсе писал: «Парламент желает гибели Тюрго», – и вскоре опасения Кондорсе сбылись.

11 мая 1776 года Тюрго получил отставку, и Кондорсе писал Тюрго: «Наглость парламентских деятелей дошла до того, что они домогаются запрещения писать против них; они надеются закрыть нам уста: наши жалобы нарушают их спокойствие. Вот до чего мы пали, дорогой учитель, и с какой высоты!»

Параллельно с занятиями общественными вопросами шла научная деятельность Кондорсе, которая состояла главным образом в отправлении обязанностей секретаря Академии наук; эту должность он занимал, как мы уже говорили, с 1775 года. С этого времени Кондорсе никогда не мог всецело отдаться математике, но никогда также совершенно не прерывал своей связи с наукой. Всю жизнь он с большим рвением следил за успехами наук математических и физических и, продолжая с любовью заниматься приложением математики к сложным явлениям общественной жизни, применил теорию вероятностей к некоторым задачам избирательного устройства. В занятиях науками Кондорсе всегда видел средство сохранить свежесть своего ума; сверх того, он придавал, как мы знаем, этим занятиям большое образовательное значение.

К первым академическим трудам Кондорсе относят неизданную

записку «О лучшем устройстве ученых обществ»; она была написана для испанского правительства. В этой записке замечательно хорошо выражена мысль, что при выборе академиков не следует обращать внимания на различие вероисповедания; Кондорсе говорит: «Если бы академия состояла из атеиста Аристотеля, из брамина Пифагора, мусульманина Алхизена, католика Декарта, янсениста Паскаля, ультрамонтана Коссини, кальвиниста Гюйгенса, англиканца Бэкона, арианина Ньютона и деиста Лейбница, то, надеюсь, это была бы не плохая академия!»

Итак, Кондорсе, едва вступив в Академию наук, обнаружил веротерпимость и свободомыслие, которые не всеми членами академии были встречены дружелюбно. В Академии наук, как всегда и везде, существовали различные партии, и против Кондорсе и Д'Аламбера всегда выступала партия Бюффона.

В той же записке Кондорсе восстает, между прочим, против допущения иностранцев в академию. Это поражает с первого взгляда, но находит себе оправдание в том, что в то время французское правительство слишком усердно осыпало своими милостями посредственных иностранцев, и нередко в ущерб своим гениальным согражданам.

Фонтенель, первый секретарь Академии наук, сообщил этой должности такой блеск, что по смерти его долгое время никто не решался принять ее на себя. Гран-Фуши занимал это место более тридцати лет, до вступления Кондорсе в Академию. Дряхлость и старость Фуши принуждали его искать себе помощника; последнему приходилось вместе с тем сделаться и преемником Фуши, поэтому большая часть членов Академии, по внушению Бюффона, восстала против назначения Кондорсе помощником; Бюффон настаивал на кандидатуре астронома Бальи. Скромный Кондорсе, выбранный благодаря влиянию Д'Аламбера, своими трудами захотел оправдать отданное ему предпочтение.

По уставу Академии, изданному еще в 1644 году, обязанность непрямого секретаря включала, между прочим, оценку заслуг умерших академиков. Фонтенель написал большое число биографий, но далеко не исчерпал всего накопившегося материала. Академики, умершие между 1666 и 1699 годами, не имели биографий. Этот большой и важный пробел взялся восполнить Кондорсе; он написал Биографии Гюйгенса, Роберваля, Пикара, Мариотта, Рёмера и других. Эти труды, требующие глубоких и разнообразных знаний, отличались вескими достоинствами, как внутренними, так и внешними. Сам же Кондорсе писал о них Тюрго: «Если бы я прибавил к биографиям немного блесков, то они более бы нравились, но природа совершенно лишила меня способности составлять ряды из

слов, которые „нейдут к делу“.»

Биографии, написанные Кондорсе, ставили очень высоко люди, имевшие понятие о том, с каким трудом сопряжена и какого глубокого знания предмета требует надлежащая оценка научных заслуг замечательного человека. Вольтер, Д’Аламбер, Лагранж всегда отзывались о них с великим уважением. Д’Аламбер писал Лагранжу: «Кондорсе заслужил место секретаря Академии наук своими похвальными речами академикам, умершим после 1699 года. Они имеют у нас большой успех». Вольтер сказал Кондорсе: «Ваш сборник – драгоценный памятник. Вы везде являетесь хозяином своего предмета, но хозяином скромным и ласковым».

Первым же трудом Кондорсе в этом роде было похвальное слово Фонтенелю, умершему в августе 1771 года. Автору представились здесь неожиданные затруднения. При написании биографий современников неизбежно приходится соотносываться с требованиями семейств, друзей и врагов. И те, и другие не видят человека тем, каким он был в действительности, а часто и не хотят видеть. Только время очищает личность великого человека от всех этих примесей, вызванных всевозможными пристрастиями! Кондорсе как нельзя лучше сознавал, какой осторожности и обдуманности требует от автора биография современника. Из переписки Кондорсе с Тюрго видно, что он занимался Фонтенелем целый год, и все же он написал по объему небольшую биографию. Д’Аламбер в своем письме к Лагранжу называет ее мастерским произведением. Вольтер писал о ней Кондорсе следующее: «Вы доставили мне величайшее наслаждение на полчаса... Сухой предмет Вы украсили благородной и глубокой моралью, очаровывающей всех честных людей... Если Вы нуждаетесь в копии Вашего сочинения, то я Вам ее возвращу, но прежде позвольте мне отдать ее переписать для себя лично». В этом последнем желании Вольтера и заключалась высшая похвала.

Главным достоинством биографий Кондорсе было то, что автор мастерски обрисовывал главные черты характера и рассматривал деятельность замечательных людей в связи с историей прогресса человеческого ума. Излагая биографии, Кондорсе прежде всего старался быть доступным для своих слушателей и читателей. К нему вообще можно было применить то, что он сам говорил о Франклине: «В его сочинениях нет ни одной строки, написанной ради славы». Пристрастиям также не находилось места в сочинениях Кондорсе. Бюффон, как мы говорили, всегда охотно вредил Кондорсе. Между тем его похвальное слово Бюффону дышит искренностью и всесторонним пониманием творца «Естественной

истории»; в нем Кондорсе говорит между прочим: «Все, что обнаруживает чувствительную и великую душу, найдете вы в его творениях, и все это ворвалось сюда как бы против его воли. Он всегда был человеком разума; читая его, нам кажется, что мы беседуем с самим разумом, проявляющим ровно столько снисхождения и чувствительности, сколько требуют того и другого наша слабость и наша польза. Творения Бюффона потомство поставит в один ряд с беседами Сократа. Аристотель писал для одних ученых, Плиний – для философов, Бюффон же – для всех образованных людей».

Мы знаем, что Кондорсе отказался написать похвальное слово Лаврильеру, потому что он считал неприличным хвалить министра и почетного члена Академии, заявившего себя распоряжениями, противными свободе печати. Из этого мы видим, что Кондорсе был способен прощать вред, сделанный ему лично, но никогда не мог извинить малейшего прегрешения против общего блага.

Кондорсе вообще очень охотно писал биографии, особенно в том случае, если в характере или в убеждениях описываемого лица было много общего с его собственными характером или убеждениями. Таким образом он взялся писать похвальное слово Лопиталю, когда Французская Академия объявила соответствующий конкурс. Философ увлекся прелестью и важностью предмета, но премии не получил, потому что вышел из рамок, намеченных Академией. Нужна была небольшая речь, которая для своего прочтения требовала бы не более часа. Сочинение же Кондорсе вышло слишком длинным. Жизнь Лопиталья считал он образцом для тех, которые, находясь в трудных обстоятельствах, предпочитают общее благо своему спокойствию. Кондорсе как нельзя более удачно набросал картину того страшного времени, в которое жил и действовал Лопиталь; он сперва представил нам Лопиталья в Италии, у Бурбона, в парламенте и на Болонском соборе, потом последовательно развернул перед читателем его разнообразную деятельность. Лопиталь последовательно является перед нами канцлером, министром, государственным человеком. Франклин так отозвался о биографии Лопиталья: «Я с восторгом прочитал Ваше похвальное слово Лопиталю; я всегда знал, что Вы – великий математик; теперь же признаю Вас одним из первых государственных людей в Европе».

Но самыми замечательными биографиями, вышедшими из-под пера Кондорсе, считаются биографии Тюрго и Вольтера, о которых мы уже упоминали.

Деятельность Кондорсе во Французской Академии отличалась

приблизительно тем же характером, что и в Академии наук. В 1782 году, в год вступления Кондорсе в эту Академию, на одном из заседаний присутствовал наследник русского престола, впоследствии император Павел I, совершавший в то время путешествие по Европе под именем графа Северино. Кондорсе выпала честь приветствовать нашего великого князя. И он сказал по этому поводу замечательную речь. Кондорсе, как и все энциклопедисты, питал глубокую симпатию к России за ее гуманное отношение к великим ученым того времени, о чем уже говорилось нами в биографии Эйлера. Приводим здесь речь Кондорсе в сокращенном виде:

«Время не изгладило из нашей памяти тот день, когда Академия впервые увидела в стенах своих государя (Петра Великого), принимавшего участие в заседаниях и с живым интересом слушавшего доклады о трудах Академии; но воспоминание об этом событии нам особенно дорого в настоящий момент, когда мы видим перед собой правнука этого государя через шестьдесят пять лет занимающим то же место. Русский царь, первый из коронованных особ, принял скромное звание академика. Он не только его принял, но и заслужил, прислав Академии свой мемуар о географии Каспийского моря. Пределы Европы раздвинулись в царствование этого государя; науки проникли в новую империю. Эта эпоха столь важного переворота в России ознаменовалась также счастливым преобразованием в европейской науке. Русский царь показал пример того, как следует относиться государю к просвещению своих подданных. Этот пример как нельзя более подействовал на других государей, и такое отношение властителей как нельзя лучше отозвалось на состоянии наук». Далее Кондорсе весьма подробно развивает мысль о том, что в науке есть много таких исследований, результаты в которых достигаются только веками трудов и совместными усилиями всех обитателей земного шара. Такие работы не приносят ни денежного вознаграждения, ни славы, поэтому только правительство может поощрять к ним людей. Он говорил главным образом об исследованиях в области метеорологии, истории земного шара, которые сопряжены с затратами, недоступными для частного человека, и требуют трудов нескольких поколений. Кондорсе заключил свою речь пожеланием, чтобы правнук продолжал так славно начатое прадедом. К сожалению, нам неизвестно, какое впечатление произвела эта речь на нашего великого князя...

Глава IV

Личная жизнь Кондорсе. – Отношение его к женщинам вообще. – Женитьба на г-же де Груши. – Личность жены Кондорсе. – Общий характер салона Кондорсе. – Журнальная деятельность Кондорсе. – Кондорсе как популяризатор. – Начало его политической деятельности.

Мы говорили, что Д'Аламбер называл Кондорсе «вулканом, засыпанным снегом». Приводя эти слова Д'Аламбера, Араго прибавляет: «Д'Аламбер видел вблизи действие этого вулкана». По намекам современников, дошедшим до нас, можно заключить, что Кондорсе был одно время, как говорится, жестоко и неудачно влюблен, но не пожелал увековечить имя предмета своей любви. Страсть была так велика, что этот нравственно сильный и сдержанный человек подумывал о самоубийстве. Друзья Кондорсе принимали живейшее участие в его сердечном горе. Тюрго советовал ему сочинять стихи, говоря: «Вы никогда не писали стихов, попробуйте изливать в стихах свои чувства, это облегчит вас». Лагранж убеждал приняться за решение какой-нибудь очень трудной геометрической задачи. Кондорсе отвечал: «Страсти ослабляют весь организм и рассудок; все, что не сопряжено с сильными ощущениями, не имеет для меня ничего привлекательного».

Эту страсть вылечило только время. Из биографии Кондорсе нам известно, что он не только разделял взгляды на женщин других энциклопедистов, но шел дальше их всех, требуя полного равенства мужчины и женщины перед законом. Эти мысли о равноправии мужчин и женщин мы встречаем и в его политических трактатах, и в сочинении об общественном образовании, с которым мы познакомим читателя в последней главе этой биографии. Эти мысли о женщинах не представляют ничего такого, чего бы мы не слышали в настоящее время, но во всем том, что теперь приводят в пользу женского вопроса, и Кондорсе не нашел бы для себя ничего нового. Это был бесспорно самый серьезный и сильный защитник женских прав. Все, что говорилось против этого, он отвергал, находя бездоказательным. Кондорсе заступался за женщин не из особой склонности к ним, а во имя высшей справедливости. Он мало бывал в женском обществе, и нам известна только дружба его с г-жой Леспинас и г-жой Сюор. И сама его несчастная любовь уже доказывает, что он не принадлежал к числу так называемых поклонников женского пола, которые всегда теряют способность к глубокой страсти.

Каждое время имеет свои взгляды на формы человеческих отношений. В том кругу, в котором вращался Кондорсе, было не принято, чтобы ученые и общественные деятели женились, хотя дружба с женщинами и была в большой моде. Д'Аламбер был сильно удивлен известием о женитьбе Лагранжа и попросил у него объяснения этого события его жизни. Лагранж отвечал с полной откровенностью:

«Если бы я раздумывал об этом предмете, то поступил бы, как Лейбниц, который не решился жениться. Сказать правду, и я сам никогда не имел склонности к супружеской жизни... Я женился, уступив силе обстоятельства; мне было необходимо устроить судьбу одной моей бедной родственницы, да и сам я нуждался в заботах и попечении. Я не писал вам о своей женитьбе, потому что не считал эту перемену в образе жизни важной для себя и достойной вашего внимания».

Из биографии Д'Аламбера нам известно о его отношениях с госпожой Леспинас; таковы же приблизительно были и отношения Вольтера и госпожи де Шателе, которые приводили в такое умиление Кондорсе. Но его собственная личная жизнь, вероятно вследствие горестного события, о котором мы говорили, началась довольно поздно. Это обуславливалось, по всей вероятности, еще и тем, что Кондорсе жил исключительно в кругу своих друзей и редко посещал другое общество.

Кондорсе женился тридцати четырех лет; он в то время был уже секретарем Академии наук и председателем комитета мер и весов; его пленила красота г-жи де Груши, а потом он привязался к ней за ее умственные и нравственные качества. Свадьба Кондорсе состоялась 27 сентября 1787 года. Мишле и другие писатели утверждали, что г-жа де Груши безнадежно любила блестящего придворного вельможу и что со своей страстью она продолжала бороться и после замужества, до 1790 года, когда наконец великие достоинства ее мужа мало-помалу окончательно покорили ее сердце. Г-жа Кондорсе отличалась талантами и основательным образованием и тогда уже начала писать свои «Письма о симпатии», которые были напечатаны только в 1798 году. Молодая жена разделяла политические убеждения своего мужа и с достоинством переносила все гонения, которые обрушились на них со стороны аристократии за мнимую измену интересам этого сословия. Если под интересами разуметь привилегии, то Кондорсе восставал против них еще в самые юные лета. Многие друзья Кондорсе были сначала неприятно поражены тем, что он своим личным отношениям придал форму брака, которая в то время, как мы сказали, считалась негожей для ученого и философа. Герцогиня Ларошфуко осуждала его больше всех, но когда он представил своим

друзьям свою прелестную жену, она первая шепнула на ухо Кондорсе: «Мы вас прощаем!»

Кондорсе никогда не был богат, хотя и занимал довольно видное положение; несмотря на это, он не взял за женой никакого приданого, и долго носился упорный слух, что герцог Ларошфуко, тронутый его бескорыстием, подарил ему значительную сумму денег. Впоследствии неверность этого слуха была доказана.

Дом Кондорсе считался в то время одним из самых приятных домов в Париже; он был открыт для всех людей, проникнутых умственными интересами. Г-жа Кондорсе хотя не отличалась тонким остроумием г-жи Леспинас, но была проще, искренней и глубже. Следы душевных бурь придавали ей особую прелесть. Ее богатые от природы умственные силы на глазах у всех быстро развивались под влиянием мужа. Светскими удовольствиями Кондорсе не пользовались. Муж успел убедить свою молодую жену в том, что светская жизнь – это вечное развлечение без удовольствия, тщеславие, ничем не оправдываемое, и праздность без отдыха. Кондорсе совершенно удовлетворяла тихая, глубокая привязанность жены, может быть потому, что сам он был уже не способен к более страстному чувству.

Общество салона г-жи Кондорсе отличалось большим разнообразием. Здесь мирные энциклопедисты встречались с будущими революционерами. Робинэ приводит длинный список лиц, посещавших Кондорсе, и сознается, что трудно перечислить всех.

Лафайет встречался здесь с Мирабо, а после смерти последнего его место занял Кабанис. Изамбер называл дом Кондорсе центром всей просвещенной Европы; в нем можно было встретить и короля Дании, и послов Швеции, Англии и Америки.

Согласно духу времени, в этом салоне политические вопросы вскоре заняли первое место, и многое из того, что было напечатано впоследствии Кондорсе в виде отдельных брошюр или журнальных статей, излагалось сперва дома, перед друзьями, и подвергалось их обсуждению. Академические речи и лекции также продолжали занимать Кондорсе в то время, и в них проявлялись уже с большой ясностью идеи, высказанные потом в «Картине прогресса человеческого разума». К тому же периоду относится напечатание трактата о прекращении торговли неграми. В нем находим мы строгое опровержение всех аргументов, которые приводились в то время в пользу принудительного труда негров. Сверх того, Кондорсе стремился доказать, что сами плантаторы страдают от непроизводительности несвободного труда и дурного качества обработки

земли. Кондорсе желал, чтобы освобождение негров совершилось безвозмездно. Знакомству Кондорсе с положением дел в Америке немало содействовала дружба его с американским посланником Джефферсоном, и имя Кондорсе пользовалось большой популярностью в Америке.

Но как сильно ни занимали голову Кондорсе политические вопросы, он продолжал заниматься и популяризацией научных знаний. В конце восьмидесятых годов прошлого столетия возник тот Лицей, просуществовавший до 1848 года, который в настоящее время называют колыбелью социологии, потому что в нем Огюст Конт читал свой курс положительной философии, а Кондорсе – первые лекции об истории развития астрономии и о приложении математики к общественным наукам («Discours sur l'astronomie et le calcul des probabilités», lu au lyccè 1787).

Мы видели, что хотя Кондорсе не мог отдаться одной чисто научной деятельности, а тем более ограничиться наукой отвлеченной, он в то же время не был практическим деятелем в узком смысле этого слова. Мы знаем, что в период, предшествовавший наступлению революции, он размышлял, разъяснял, но его всего менее можно было назвать революционером. Как оратор он никогда не имел успеха, несмотря на то, что обладал даром слова, – ему недоставало голоса, дикции, жестов. Кондорсе занимался в то время журнальной деятельностью. Сперва он сотрудничал в «Journal de Paris», а затем в основанной им самим «Библиотеке публичного деятеля». Здесь он напечатал ряд компиляций из Аристотеля, Макиавелли, Бодэна, Бэкона, Юма, Локка, Адама Смита, присоединив к трактату последнего «О богатстве народов» собственные примечания. Уже самый выбор философов показывает, какое образование считал Кондорсе необходимым для общественного деятеля. Свои статьи, относящиеся к вопросам дня, он помещал в журналах 1789 года и в бюллетенях общественного союза «Железный рот» («Bouche de fer»).

Бегство Людовика XVI в Варенн произвело на Кондорсе сильное впечатление, сопровождавшееся переворотом в его политических взглядах относительно Франции; тогда он вместе с Томасом Пэном начал издавать первую во Франции республиканскую газету: «Республика, или Защитник представительской власти». Поступки короля в то время вызвали недовольство в самых преданных ему людях, и вскоре из них составилось общество, имевшее целью мирное, бескровное водворение во Франции республики. В числе членов этого общества находим мы Ларошфуко и Кондорсе. Этот союз вскоре же распался, и решено было уничтожить все проекты и планы. Кондорсе, из желания общего блага, не мог подчиниться такому решению; он перешел в другое общество, названное Социальным.

Последнее напечатало речи Кондорсе в пользу мирной республики, и это повело к разрыву Кондорсе с герцогом Ларошфуко и с другими друзьями-роялистами. Нам известно, какое значение для Кондорсе имели узы дружбы; он мог принести их в жертву только своим убеждениям. Араго называет разрыв этот неблагоприятным. С нашей же точки зрения, он является неизбежным. Кондорсе чувствовал, что настал момент действовать; он был огорчен, что не состоял членом конституционного собрания, и считал себя вправе спросить: «Неужели геометр, занимавшийся почти треть столетия политическими науками и почти первый приложивший к ним анализ, не может высказать своего мнения о вопросах, рассматриваемых в конституционном собрании?» В то время во Франции совершался переворот и зрели идеи, имевшие такое важное значение для будущего человечества, что глаза целого мира были устремлены на нее. Понятно, какие чувства волновали в то время грудь каждого француза, а тем более такого человека, жившего исключительно общественными интересами, как Кондорсе. Жажда деятельности пробудилась в нем с необыкновенной силой, но он не принадлежал ни к какой партии и все были против него, потому что все делились тогда на партии.

Для лучшей характеристики Кондорсе как политического деятеля послужит описание отношений его с известными нам деятелями революции. Начнем с Лафайета. Кондорсе был дружен с Лафайетом до тех пор, пока последний, по словам первого, не сделался игрушкой в руках интриганов. Поводом к разрыву послужила кровавая расправа на Марсовом поле, после которой Кондорсе написал Лафайету: «Двенадцать лет вас все считали защитником свободы; если же вы будете продолжать поступать так, вас будут считать врагом свободы» – и с тех пор прекратил свои сношения с ним. Марат своей пропагандой анархии и убийств выводил Кондорсе из состояния обычного равновесия; Кондорсе нападал на него горячо и резко и говорил: «Катон и Брут покраснели бы при мысли оказаться в сообществе Марата».

Об отношениях своих к Дантону Кондорсе говорил следующее: «Меня обвиняли в том, что я содействовал назначению Дантона министром юстиции. Я был убежден, что в министерстве необходим человек, располагающий народным доверием, чтобы сдерживать проявления страстей. К тому же надо было выбрать человека, характер, ум и ораторский талант которого соответствовали бы высоте его призвания. Все эти качества соединял в себе Дантон».

И Кондорсе не жалел, что содействовал возвышению Дантона, хотя

ставил ему в вину, что он чересчур подчинялся народу и всегда руководился мнением толпы.

В Дантоне Кондорсе высоко ценил то, что тот не питал ненависти и страха к знаниям, талантам и добродетелям. Это была большая редкость в революционере. С жирондистами Кондорсе сходилась во многом, хотя и не принадлежал к их партии, сохраняя свою полную независимость.

«Жирондисты, – говорил он, – требуют от меня, чтобы я разошелся с Дантоном, и Дантон настаивает на моем разрыве с жирондистами; я же стараюсь только о том, чтобы каждая партия поменьше занималась собственными делами и побольше думала об общем благе». К Робеспьеру Кондорсе относился холодно, но справедливо. Робеспьер же ненавидел Кондорсе как противника в политике.

Кондорсе еще в молодости останавливал внимание г-жи Леспинас совмещением в себе по видимости непримиримых контрастов. Действительно, он являлся перед нами то горячим, непреклонным и резким, то мягким, добродушным и чувствительным. Известная г-жа Ролан считала его человеком бесхарактерным и, намекая на двойственность его природы, называла *ватой, пропитанной спиртом*. И вероятно, многие разделяли это мнение. В сущности все сводилось к тому, что в Кондорсе не было банальных признаков сильной воли, то есть строгих бровей, огненных глаз, громового голоса и т. п., и проявление его железной воли можно было видеть только в поступках. Осуждали его также за изменчивость взглядов. Мы видели, что он сперва был монархистом, потом же, сравнительно поздно, сделался республиканцем. Между тем во всем этом и обнаруживается цельность и последовательность. Все изменения в его взглядах вытекали из одного неизменного желания добра своей родине. Он присматривался к обстоятельствам, изучал факты, и от этого взгляды его постепенно расширялись.

Так, например, одно время Кондорсе стоял за ограничение политических прав одними собственниками. В 1790 году он восставал против ценза для кандидатов в депутаты, но ничего не имел против небольшой и легкой таксы на всех, кто пожелает отправлять обязанности активного гражданина.

Через год Кондорсе счел возможным еще более расширить основы представительства, а при обсуждении закона 10 августа 1791 года он настаивает на предоставлении избирательного права всем тем, кто имеет постоянную оседлость, будь они собственники или нет. В представленном же им в 1793 году проекте конституции право на голосование признается уже за всеми. Это постепенное развитие и придает особую ценность

политическим взглядам Кондорсе; они установились тем же путем, каким устанавливаются научные истины в точных науках.

В то время, когда Кондорсе наконец открылся доступ к той практической деятельности, о которой он мечтал еще в молодости, ему было уже около пятидесяти лет. Предшествующие разнообразные занятия дали ему все необходимое для политика. Он сознавал себя как нельзя лучше подготовленным к практической деятельности, но путь его в этом отношении был не широк. Его не выбрали в Генеральные штаты. Заседая вместе с Бальи в муниципалитете, он заявил себя здесь ясно выраженным мнением о необходимости выбирать министров из списка кандидатов в депутаты. Приблизительно в то же время Кондорсе мог сделаться морским министром, но он отказался и указал на математика Монжа, который вскоре и занял это место.

В 1791 году Кондорсе оставил муниципалитет; его выбрали комиссаром национального казначейства; деятельность его, таким образом, несколько расширилась. Ему принадлежала редакция адреса, поданного городом Парижем конституционному собранию, с требованием изменить закон, определявший право граждан пропорционально количеству платимых ими податей.

В конце 1791 года Кондорсе, однако, отказался от должности комиссара, желая во что бы то ни стало сделаться членом Национального собрания. Но здесь философ встретил крайне ожесточенную вражду партий, вооруженных самой черной клеветой, жертвой которой вскоре и сделался этот безупречный человек. Один памфлетист уверял, что секретарь Академии по ночам посещал двор, вел дружбу с братом короля и в то же время высказывался против двора в своих сочинениях. По тем временам это было тяжкое обвинение. К счастью, вскоре оказалось, что ночным посетителем двора был не Кондорсе, а граф Орсей, первый камергер брата короля. Несмотря на сети интриг, Кондорсе, вступив в Законодательное собрание, сделался его секретарем, а вскоре и президентом. Неловкость, застенчивость и слабость голоса лишали его, однако, возможности поражать с трибуны своих противников и выходить победителем в шумных спорах. Но он неизменно представлял собрание, когда оно имело надобность обращаться к народу, к иностранным государствам и к представителям партий. Здесь во всей полноте проявлялись убедительность речи и безграничная справедливость Кондорсе.

Деятельность Кондорсе в Законодательном собрании более отвечала его призванию. Он занимался организацией публичного образования. К

этому времени относится издание его знаменитого трактата «Sur l'instruction publique» и многих проектов, содержащих подробности организации народного образования. В последней главе мы будем говорить об этом сочинении подробнее, теперь же ограничимся указанием на ту главную идею, которой оно проникнуто. В воспитании Кондорсе видел незаменимое средство установить между людьми возможное равенство и встать на путь непрерывного и беспредельного совершенствования рода человеческого. Трактат Кондорсе и его проекты отличаются большой оригинальностью и широтой взглядов. Они, как видно, составляли плод долгих размышлений.

Публичные школы, по мнению Кондорсе, должны иметь одну цель – дать возможность образования. Правительство не должно стремиться *воспитать* будущих граждан по собственному плану, имея в виду какие-нибудь государственные цели, как это обыкновенно было в древности. Заботу же о религиозном воспитании необходимо предоставить семье.

Глава V

Кондорсе – член Конвента. – Участие в заграничной пропаганде. – Протест против осуждения и казни короля. – Общее настроение в то время. – Отношение к нему Кондорсе. – Кондорсе – член комиссии по составлению проекта конституции. – Проект Кондорсе отвергнут. – Кондорсе объявлен вне закона.

В Париже во время революции, когда люди отдавались необузданным страстям, Кондорсе выводил их из терпения своей последовательностью и сдержанностью; якобинцам он так мозолил глаза, что они требовали удаления его из Национального собрания; но в провинции люди были не настолько еще опьянены событиями, – там, в отличие от Парижа, знали цену Кондорсе. И по настоятельному требованию нескольких департаментов он был назначен в Конвент...

«Конвент – это своего рода Гималаи», – говорит Виктор Гюго. В Конвенте толпились и сражались истинные бойцы, отошедшие теперь в область теней. В то время он представлял грандиозное зрелище. Справа Жиронда – легион мыслителей, слева Гора – группа атлетов. К людям, полным страстей, примешивались люди-мечтатели. Одни мечтали о войне, другие – о мире. Среди потоков бешеного красноречия, среди воя и грозного ропота голосов уживалось и плодотворное молчание. Лантено молчал и основывал школы первоначального обучения; Ревельер-Лепо молчал и размышлял о том, как возвести философию на степень религиозного величия. Артисты, ораторы, люди-колоссы, как Дантон, люди-младенцы, как Клотц, гладиаторы и философы – все стремились к одной цели – прогрессу.

Вот в главных чертах картина Конвента, начертанная мастерской рукой В. Гюго. К сожалению, несколько слов, сказанных им о Кондорсе, не дают последнему надлежащего места в этой картине; Кондорсе стоял за долг – это правда, но далеко не всё. Роль его в Конвенте была совсем исключительная; он не принадлежал к числу людей действия, потому что действовать в то время – значило беспощадно истреблять; но мы также не решились бы его поставить не только в ряд мечтателей-утопистов, но и в ряд мечтателей со светлой головой. Утописты – всегда плохие наблюдатели и навязывают действительности свои золотые сны. Кондорсе же отличался большой объективностью и знал жизнь. В то время как другие шли к своей цели, не стесняясь средствами, он взвешивал их поступки и предостерегал

от многих последствий, гибельных для чести и свободы французского народа. Кондорсе представлял собой и ум, и совесть Конвента.

В тот промежуток времени, когда Кондорсе состоял членом Конвента, в деятельности этого последнего важнейшими были следующие пункты: влияние Франции на правительства других европейских держав, процесс и осуждение Людовика XVI и составление проекта новой конституции. Для того чтобы дать понятие о действиях Кондорсе как члена Конвента, необходимо охарактеризовать его участие во внешней политике. Замечательно, что мирный Кондорсе в то время постоянно подавал голос за войну и старался всеми силами содействовать успехам французского оружия. Такое поведение философа осталось бы для нас непонятным, если бы Кондорсе тогда же не дал нам объяснения этого явления. Но мы знаем, что он обращался от имени Французской Республики ко всем свободным людям мира, посылал совет испанцам, адрес голландцам, немцам, писал письмо другу в Швейцарию. Одним словом, он хотел братски поделиться со всеми народами тем, к чему пришла Франция. Он желал, чтобы Франция завоевала мир и сделалась защитницей всех угнетенных. Такой энтузиазм обычен для той эпохи; в настоящее время многих удивит своей наивностью мысль Кондорсе о возможности союза республик, состоящих из народов, совершенно к нему не подготовленных. За этот энтузиазм Кондорсе и прослыл главным образом мечтателем. Но в сущности Кондорсе утверждал следующее: «Так как истина, разум, справедливость, права людей, интересы собственности, свободы и безопасности всюду одни и те же, то нет препятствий к тому, чтобы отдельные государства имели общие всем законы – гражданские, уголовные, торговые и так далее. Хороший закон хорош для всех, как правильный вывод для всех обязателен». Такое мнение как будто противоречит бесспорной истине, что государственное устройство народов должно соответствовать их истории. Но ближайшее знакомство с сочинениями Кондорсе, а главное, с его перепиской выставляет это дело совсем в ином свете. Под общими законами Кондорсе разумел вообще законы, обеспечивающие естественные права человека. Философ, признавший только в последние годы жизни возможность республиканского образа правления для Франции, конечно, не мог считать республику удобной и осуществимой для всякого другого государства. Самым ревностным сотрудником Кондорсе по распространению за границей идей братства и равенства был Анахарсис Клотц, – их объединяло одно стремление, но Клотц доходил до крайностей, что приписывалось и Кондорсе; поэтому последний и прослыл мечтателем наравне с первым.

В качестве члена Конвента Кондорсе принадлежал к числу судей

Людовика XVI. Нам очень важно выяснить, как он вел себя в этом деле. Как истинный *философ* он начал с того, что предложил Конвенту ряд вопросов, которые непременно должны были представиться всякому просвещенному уму, не омраченному страстью. Можно ли судить короля? Его неприкосновенность не была ли безусловной по смыслу конституций? Возможна ли свобода в том государстве, в котором положительный закон не принимается за основание суда? Не противно ли основам нравственности преследовать поступки, которые ни в каком законе не названы преступлением? Могут ли справедливо судить монарха низвергшие его подданные? Если бы Людовик XVI не был уверен в своей неприкосновенности, то неужели он принял бы корону?

Само собой разумеется, что эти вопросы, поставленные Кондорсе, были не в духе времени и пришлись не по вкусу другим членам Конвента. На него посыпались обвинения не в одной слабости характера, но и в приверженности монархическому образу правления. Между тем Кондорсе упорно стоял на своем, утверждая, что король не ответствен за поступки, согласные с предоставленной ему властью, и поэтому считал не только наказание, но и самый суд над королем незаконными. Конвент соединял в себе власть законодательную, обвинительную и судебную. Такое соединение строгий ум Кондорсе считал противоречащим всем непреложным понятиям о праве. К тому же король был обвинен и осужден на смертную казнь прежде суда. Благородное сердце Кондорсе возмущалось такой несправедливостью. Он сильно восставал также вообще против смертной казни и в это смутное и кровавое время не боялся говорить перед собранием разъяренных людей: «Смертную казнь я считаю несправедливой...»

Уничтожение смертной казни есть одно из могущественных средств воспитания рода человеческого и смягчения его нравов... Кондорсе допускал наказания только с исправительной целью, приводящие преступника к раскаянию.

Голос Кондорсе, разумеется, был голосом вопиющего в пустыне. Конвент не выслушал как следует его доводов и произнес королю смертный приговор. Человеческие страсти, играющие всегда такую большую роль в жизни, в то время достигли высших пределов. Присутствовавшие в день произнесения приговора над королем в Конвенте рассказывали, что один из депутатов приказал принести себя больного в собрание и, умирая, подал голос за жизнь короля; другой после 36-часового заседания упал на скамью и заснул; когда пришла его очередь подавать голос, его разбудили; он, полуоткрыв глаза, сказал: «Смерть!» – и опять

заснул.

Араго не прощает Кондорсе его пребывания в Конвенте после произнесения смертного приговора королю. Но философ мог бы оставить Конвент исключительно под влиянием горячего негодования; последнему же трудно было возникнуть, потому что Кондорсе хорошо понимал *невменяемость* большинства членов Конвента. Кондорсе считал себя не вправе оставлять Конвент, пока обстоятельства позволяли ему приносить пользу, сколько-нибудь сдерживая дикие страсти. Конвент же при своей изумительной и до крайности многосторонней деятельности *несомненно* заботился также о лучшей политической организации Франции. Он поручил комиссии, состоявшей из девяти членов, составить программу новой конституции. В числе этих членов был Кондорсе. Проект заключал в себе все меры для обеспечения справедливости и свободы и был представлен Конвенту 15 февраля 1793 года; он состоял из тридцати глав, разделенных на множество параграфов. Одно введение, объяснявшее основание проекта, занимало 115 страниц и целиком принадлежало перу Кондорсе. Этот глубокий и серьезный труд надлежало рассмотреть в самом непродолжительном времени. Кондорсе и сдержанно, и нетерпеливо ожидал этого решительного момента. Он с грустью видел, что в заседаниях все время уходило на бесполезные споры, в которых проявлялись мелкие личные интересы и дух партий. Наконец, видя, что дорогое время уходит, Кондорсе потребовал рассмотрения проекта. В Париже требование это было встречено недружелюбно; проект, представленный Кондорсе, не возбуждал интереса, потому что его трезвые и беспристрастные взгляды в то время были как нельзя более некстати в Париже; но в департаментах обнародования его ждали с большим нетерпением; шаткость временного государственного устройства приводила народ в отчаяние. Конвент отверг план конституции, представленный комиссией, и поспешил успокоить народ, дав ему конституцию, наскоро составленную Геро де Сошелем. Легкомысленные жители Парижа встретили это событие восторгом и пушечными выстрелами. Сиес же метко назвал эту конституцию— *неудачным оглавлением пустой книги*; но осторожный аббат говорил это потихоньку, между своими; то же самое Кондорсе высказал публично, и это не прошло для него даром. Изменила ли ему на этот раз его обычная сдержанность, или он был убежден, что настал час для смелого, решительного шага?

Мы склоняемся в пользу последнего предположения. Кондорсе напечатал послание к народу и советовал ему не принимать новой конституции. Он откровенно и ясно излагал ее многочисленные недостатки

и указывал на их вредные серьезные последствия.

«Неприкосновенность представителей народа, – писал он, – нарушена арестом 27 жирондистов. Это стесняет свободу прений. Инквизиционная цензура, разграбление типографий и закрытие частных школ должны считаться нелепыми препятствиями для выражения общественного мнения. Новая конституция молчит о вознаграждении депутатов; это значит, что все они должны быть богаты или же принуждены будут наживать деньги косвенным путем. Избирательные коллегии раздроблены и доступны для интриг посредственности. Недоверие к общим народным собраниям искажает характер народа и игнорирует его здравый смысл. Исполнительная власть, составленная из 24 членов, будет источником беспорядков и совершенного застоя в делах. Конституция ничего не спасет, если она не охраняет прав и спокойствия граждан. В новой конституции много постановлений, клонящихся к федерализму, к разрыву государственного единства. Предполагаемые же реформы принадлежат к области фантазий... Вам, французы, судить, какой из двух проектов более охраняет неприкосновенность политических прав сограждан и обеспечивает их естественные права». За этим следует подробное сравнение обоих проектов, и Кондорсе обращается к согражданам с просьбой взвесить, который из проектов более гарантирует их в будущем от козней партий и интриг. В этих предостережениях Кондорсе обнаруживает большую предусмотрительность и знание жизни, которые никогда не бывают свойственны мечтателю. Например, говоря о роли исполнительного совета в проекте Геро де Сошеля, он утверждает, что такой исполнительный совет легко заменить властью одного лица. Последующее как нельзя лучше подтвердило его предположение.

Мы знаем, что Конвент был уже сильно раздражен против Кондорсе за его огненные речи во время процесса над Людовиком XVI. Когда же Шабо 8 июля 1793 года донес Конвенту о воззвании философа к народу, Конвент решил тотчас же без всякого следствия и дальнейших рассуждений арестовать Кондорсе и подвергнуть его суду.

Ко всему этому, разумеется, присоединили множество мнимых обвинений; сперва Кондорсе причисляли к партии жирондистов, потом совершенно несправедливо связывали его имя с именем Бриссо. Но Кондорсе, по своей сильно выраженной индивидуальности, никогда не мог сделаться человеком партии; прирожденное же благородство не позволяло ему быть заговорщиком. Он подавал иногда голос вместе с жирондистами, если сходилась с ними в убеждениях. Так как против Кондорсе не могло существовать никаких действительных веских обвинений, то решили

осудить его заочно; имя его внесли в список эмигрантов, лишенных покровительства законов, и конфисковали все его имущество.

Кондорсе, конечно, знал, что его ожидает после обнародования послания о новой конституции. Он как нельзя лучше замечал признаки приближавшейся бури и грозы. Друзья его, Кабанис и Вик д'Азир, искали для него надежное убежище.

Достоинно внимания, что Кондорсе обвиняли в *заговоре* против *единства и нераздельности* Французской республики, против свободы и безопасности нации – одним словом, против всего, за что он всегда готов был отдать жизнь.

Глава VI

Последние годы жизни Кондорсе. – Личность г-жи Вернэ и жизнь Кондорсе в ее доме. – Заботы о жене и дочери. – Апология политической деятельности. – Стихотворение, посвященное жене. – Сочинение Кондорсе «Картина прогресса человеческого разума» и его завещание. – Кондорсе оставляет дом Вернэ. – Арест и смерть.

Когда для Кондорсе явилась необходимость скрыться, друзья Кабаниса, доктора Бойе и Пинель, нашли для него приют у вдовы скульптора Вернэ. Это была необыкновенно добрая женщина; она, как мы увидим, оказала такие важные услуги Кондорсе, что заслуживает памяти потомства. Нам придется сказать о ней несколько слов. В достоверности рассказа, который мы намереваемся передать, нельзя сомневаться. Дочь Кондорсе, г-жа Оконорэ, слышала его от своей матери. Г-жа Вернэ родилась в Провансе; она отличалась горячим сердцем, живым воображением, благородным и открытым характером и готова была помочь человеку, к какой бы политической партии он ни принадлежал. С ней можно было говорить прямо. Так и поступили в данном случае друзья Кабаниса. – Сударыня, – сказали они г-же Вернэ, – мы хотим спасти осужденного. – Что он – честный человек? – Да. – Так пусть придет ко мне. – Хотите знать его имя? – После; а теперь не теряйте времени: пока мы здесь говорим, ведь его могут схватить.

В тот же день вечером Кондорсе, не колеблясь ни минуты, вверил свою жизнь женщине, о существовании которой не знал до того времени. Для характеристики г-жи Вернэ приведем следующий случай. Еще до услуги, оказанной Кондорсе, ей удалось дать убежище одному из гонимых. Имя первого своего жильца она никогда никому не хотела открыть, не исключая и семейства Кондорсе. В 1830 году, через тридцать семь лет, на вопрос дочери Кондорсе, кто был этот несчастный, г-жа Вернэ отвечала неопределенно: «Осужденный был враг революции; в нем не было душевной твердости; его пугал всякий шум на улице; после 9 термидора он оставил мой дом, и с того времени я больше его не видала; как же вы хотите, чтобы я вспомнила его имя?» Последние слова она произнесла с загадочной улыбкой и с такой грустью, по которым можно было судить, что как имя осужденного, так и его судьба глубоко врезались в ее память.

Поселившись у г-жи Вернэ, Кондорсе на время спас свою жизнь, но лишился возможности служить своей родине и быть опорой своей семье; у

него были отняты все средства к жизни. Сам он в то время не имел надобности в деньгах, потому что г-жа Вернэ доставляла ему все необходимое; бескорыстие этой женщины доходило до того, что она не хотела принять никакого вознаграждения от семейства Кондорсе даже в то время, когда оно сделалось богатым и жило в полном довольстве. Но в те грустные дни Кондорсе сильно беспокоила участь жены и маленькой дочери. Он знал, что тогда каждая чистая, благородная женщина считала своей обязанностью удалиться из Парижа, жене же осужденного было опасно оставаться в этом городе. Он был уверен, что г-жи Кондорсе нет в Париже; но чем же она жила, когда у нее все было отнято? Она осталась с маленькой дочерью, с больной сестрой и старой гувернанткой. Он считал такой беззащитной и беспомощной эту избалованную светскую женщину, аристократку, привыкшую к услугам и поклонению. Но природная энергия и обстоятельства выручили госпожу Кондорсе. В трудные минуты она проявила способность к труду и величие души. Во время террора каждый мог опасаться за жизнь своих близких и друзей, и желание обладать портретами дорогих людей принимало размеры настоящей страсти. Г-же Кондорсе пришла счастливая мысль воспользоваться своим талантом к живописи. Сначала она сделала несколько замечательных портретов просто из любезности, но они вышли так удачны, что ее завалили работой. Вскоре ей пришлось писать портреты в тюрьмах, в убежищах несчастных и в блестящих салонах, владельцы которых подвергались опасности наравне со всеми другими гражданами. В Отейле г-жа Кондорсе списывала портреты даже с революционных солдат и удивляла их своим искусством. Эта работа давала ей и ее семье некоторое время возможность существовать безбедно, несмотря на страшную дороговизну. Узнав о местопребывании своего мужа, она ежедневно вместе с торговками приходила в Париж и тайком посещала его в доме Вернэ. Вскоре она завела лавочку с бельем и барыши от торговли употребляла на содержание старых служащих своего мужа, между которыми находился и прежний его секретарь Кардо.

Бодрое настроение жены и ее безграничная преданность не только мужу, но и его идеям были величайшим утешением для несчастного Кондорсе, в это тяжкое время они возбудили в нем силы приняться за серьезный труд.

Первое его сочинение, написанное в доме г-жи Вернэ, не было в то время напечатано; оно заключало в себе политическую исповедь и начиналось следующими словами: «Не знаю, переживу ли я свое несчастье; но моя жена, дочь и друзья могут пострадать от клеветы моих врагов; во избежание этого я обязан объяснить основания своих поступков

в бурные дни революции». Рукопись этого сочинения состоит из сорока одной страницы мелкого письма; оно обнимает всю политическую деятельность Кондорсе и обнаруживает не только ее цельность, но редкое беспристрастие автора в оценке событий. Например, он говорит: «Резня 2 сентября – вечное пятно в наших летописях – была делом немногих злодеев, а не целого народа, который, не имея силы удержать, принужден был допустить и смотрел на все с ужасом. Злодеи умели обмануть и граждан; Национальное собрание им противилось слабо, не единодушно, потому что не имело настоящего понятия о происшествии».

Занятый умственным трудом и успокоившись относительно участи жены и ребенка, Кондорсе бодро переносил свое изгнание до того дня, когда узнал о трагической смерти жирондистов, осужденных Конвентом одновременно с ним. С этого же момента его стала тревожить мысль об опасности, которой он подвергал великодушную г-жу Вернэ; наконец он решился сказать ей: «Ваши благодеяния никогда не изгладятся из моей памяти, но преклоняясь перед вашей самоотверженностью, я не могу более ею пользоваться, – это значило бы злоупотреблять ею. Закон ясен: если найдут меня в вашем доме, вы подвергаетесь одной участи со мной; я вне закона, я не могу долее оставаться у вас». Госпожа Вернэ ответила ему на это: «Конвент может лишать покровительства законов, но не покровительства человеколюбия. Потому вы останетесь у меня». Так говорила эта мужественная женщина в то время, когда над ее домом был учрежден особый надзор, в котором участвовала даже ее собственная привратница! Но г-жа Вернэ знала человеческое сердце, и влияние ее было так сильно, что она сумела расположить в пользу Кондорсе всех окружающих людей; взявшиеся за ним следить вскоре стали его беречь, в числе последних оказалась и упомянутая привратница.

Однажды Кондорсе, поднимаясь по лестнице в свою комнату, столкнулся с *гражданином* Марко, помощником одного депутата в Конвенте. Марко принадлежал к партии Горы – врагов Кондорсе. К счастью, он не узнал переодетого Кондорсе, но трудно было рассчитывать на то, что и другая встреча сойдет с рук так же благополучно. Марко жил в доме Вернэ. Кондорсе с отчаянием сообщил причину своего беспокойства хозяйке; она сказала: «Подождите, я тотчас же улажу». С *этим* словами она пошла в комнаты Марко и сказала ему прямо: «Гражданин Кондорсе живет под одной с нами кровлей, если он погибнет, это будет ваш грех. Вы – честный человек, и мне нечего более говорить!» Доверие и прямое обращение к честности произвели желанное действие. Марко, рискуя собственной жизнью, берег Кондорсе и даже старался как-нибудь его

рассеять и утешить: в частности, он снабжал его романами; философ, лихорадочно занятый в то время вопиющими вопросами жизни, поглощал их с жадностью. Госпожа Кондорсе, страдая за любимого мужа и боясь его потерять, искала забвения в умственном труде; она принялась за обработку своего перевода сочинения Адама Смита «О нравственных чувствах». То, что переживал тогда сам Кондорсе, выразил он прекрасно в своем стихотворении, известном под названием «Послание поляка, сосланного в Сибирь, к жене»; оно написано в декабре 1793 года.

Это первое и последнее стихотворение, написанное Кондорсе, отличается изящной простотой. Мы приведем здесь в кратких словах его содержание: «Я не воспевал в стихах своего счастья, этим священным кладом жило мое сердце, но когда есть на что жаловаться, тогда является желание высказаться. Мы придаем прелесть своим страданиям, смягчаем их, описывая наши чувства. Не думай, что я не вынесу своего жребия: я выдержу все, совесть моя меня ни в чем не упрекает. Они мне сказали: выбирай – быть палачом или жертвой; я предоставил им преступление и взял на свою долю несчастье. Но я живу далеко от тебя и от нашего дитяти». Затем следует воспоминание о счастливых днях тихой семейной жизни... Но от прошлого Кондорсе быстро переходит к настоящему и снова обращается к жене: «Раздели со мной мои страдания и читай в моем сердце. В утлом челноке печальный пловец несется по воле ветра по бурному морю; в оцепенении он ждет решения своей участи: утонет ли он в бездне или доплывет до пристани? Хорошо, если он может забыться и предаться золотым снам о будущем человечестве. Но каково будет его пробуждение? Перейдем, однако, к тому, к чему влечет меня мое сердце. Как ты думаешь, сохранит ли наш ребенок в памяти черты своего осужденного отца? Скажи ему, что я его любил... И сохрани память о нашей любви. Защищай от врагов моих мою честь и славу. Я служил своей родине, я обладал твоим сердцем. Я в жизни знал счастье...»

Эти раздирающие сердце строки писал Кондорсе в то время, когда, по словам Виктора Гюго, в Париже жили общественной жизнью; пили и ели на улице; женщины, сидя на папертях церквей, щипали корпию и пели «Марсельезу», ружья готовились тут же, на глазах у всех. С лиц не сходила героическая улыбка. В театры ходили, как греки в Афинах во времена Пелопоннесской войны. Каждый видел над своей головой гильотину; все наводило ужас, а между тем никто ничего не боялся. Все куда-то спешили, и никому не хватало времени. Не попадалось ни одной шляпы без трехцветной кокарды. Везде красовались бюсты Франклина, Руссо, Брута, а рядом с ними – бюст Марата. В открытых лавочках

торговали бывшие монахини в белокурых париках; в каком-нибудь балагане сидела и штопала чулки графиня; не одна маркиза в то время превратилась в швею, и богатые владетельницы отелей жили на чердаке. Каждую минуту все могли ожидать каких-нибудь важных перемен; по улицам то и дело бегали разносчики газет, предлагая «новейшие известия». Танцевали в монастырских развалинах и на кладбищах. Все было переименовано, начиная с улиц и кончая картами: короля звали гением, даму – свободой, валета – равенством, а туза – законом. Дороговизна была страшная, на все были баснословные цены.

Проявления благородства г-жи Вернэ, великодушие окружающих и влияние жены снова подняли упавшую было энергию Кондорсе; он опять с жаром принялся за работу и начал свое знаменитое сочинение *«Картина прогресса человеческого разума»*. Оправдание своих действий при таком возвышенном настроении казалось ему делом личным; он хотел посвятить остаток своей жизни мыслям о будущем человечестве. Сам Кондорсе определяет цель этого сочинения следующими словами: «По необходимости ограничиваюсь общим взглядом на фазы, через которые проходил род человеческий, то двигаясь вперед, то отступая. Стараюсь выяснить причины совершившихся перемен... Это не отвлеченная наука о человечестве; я стремлюсь только объяснить, каким образом время обогащало ум человеческий новыми истинами, совершенствовало его, укрепляло его способности, *научало употреблять их для частного и общего благосостояния*». В этом сочинении Кондорсе отчетливо проводит две главные мысли: о необходимости уравнивания гражданских и политических прав всех людей и о бесконечном совершенствовании рода человеческого. В начале XIX века модные в то время писатели особенно нападали на вторую мысль, они считали ее несправедливой и опасной. «*Journal des Débats*» усмотрел в ней даже опору для вредных замыслов. Чтобы искоренить эту идею, так прекрасно высказанную Кондорсе, пытались доказывать принадлежность ее Вольтеру. Погруженный в созерцание будущего, Кондорсе отвлекался от мрачного настоящего и писал: «Придет время, когда корыстолюбие и страсти не будут иметь влияния на нашу волю, как теперь они не имеют влияния на отвлеченную деятельность нашего ума. Все заставляет нас думать, что мы приближаемся к эпохе великих переворотов, ожидающих человека... Современное состояние просвещения служит залогом будущего счастья». Так думал человек, не только несправедливо гонимый, но даже невинно осужденный на смерть.

Упорный, наполняющий душу труд дал Кондорсе силы

просуществовать еще несколько месяцев. Когда же богатый запас его памяти истощился и ему, за неимением книг для справок, пришлось прекратить эту работу, он уже не мог отрешиться от мысли, какой опасности подвергает он г-жу Вернэ, оставаясь у нее в доме.

Ничто не могло поколебать его решимости оставить убежище, которое, по его словам, было превращено в рай попечениями добродетельной хозяйки. В то же время Кондорсе как нельзя лучше сознавал, что уйти из дома Вернэ для него значило погибнуть, остаться же – погубить. Он предпочел первое и написал свое завещание, которое назвал *«Советами осужденного его дочери»*. Араго говорит, что никогда не читал завещания более обдуманного и написанного с большим чувством; близость неизбежной смерти не нарушала спокойствия Кондорсе; он почти равнодушно говорит о своей предстоящей кончине. Его смущала только участь жены и, главное, то, что дочери *может быть* предстояло сделаться круглой сиротой, – что тогда? «Тогда, – писал он, – Элиза (дочь. – Авт.) должна будет считать г-жу Вернэ своей второй матерью; под руководством этой превосходной женщины она выучится женским рукодельям, рисованию, живописи и гравированию, – искусствам, необходимым для обеспечения безбедного существования без непосильного труда и без унижения. В случае необходимости Элиза должна искать покровительства в Англии, у лордов Стангона и Дира, или в Америке, у Баха, внука Франклина, и у Джефферсона. Поэтому ей необходимо познакомиться с английским языком. Впрочем, все зависит от последней воли ее матери. Когда настанет время, пусть прочтут Элизе наставления ее отца, но постараются уничтожить в ней всякое чувство ненависти и мести к врагам отца: от этих чувств она должна навсегда отказаться в память того, кто никогда не питал их сам».

О своей признательности Вернэ Кондорсе говорит в том же завещании: «Пусть она сама представит себя на моем месте, и ее сердце поймет мои чувства».

26 марта 1794 года Кондорсе дописал последние строки своего завещания и решился во что бы то ни стало оставить г-жу Вернэ. Накануне он получил письмо, в котором его предупреждали об обыске, который предполагают сделать в доме Вернэ. Хозяйка дома также получила письмо, в котором ей советовали *хорошенько спрятать все драгоценное*. Но добрая женщина думала только о том, как спасти превосходного человека; мысль, что Кондорсе уйдет без ее ведома и погибнет, преследовала ее. В роковой день Кондорсе в своем обыкновенном костюме сошел вниз; это показалось подозрительным Вернэ; стоя на лестнице, она не спускала с него глаз.

Желая отвлечь как-нибудь ее внимание, Кондорсе затеял длинный разговор с одним из жильцов, но, взглянув на нее украдкой, он заметил в лице ее твердое желание не уходить; тогда, делать нечего, он решился в первый и последний раз обмануть свою благодетельницу, опустил руку в карман и сказал: «Я забыл наверху свою табакерку». Повинуясь привычке услуживать Кондорсе, г-жа Вернэ побежала наверх за табакеркой. Воспользовавшись этой минутой, Кондорсе бросился на улицу. Привратница, привыкшая беречь Кондорсе, отчаянно вскрикнула; услышав ее крик, Вернэ поняла, что все ее неусыпные девятимесячные хлопоты пропали даром, и упала в обморок. Кондорсе в первую минуту, оказавшись за порогом дома Вернэ, почувствовал облегчение и подумал: «Ну, теперь она спасена». Не зная, что госпожа Вернэ лишилась чувств, он пробежал всю улицу Сервандони, боясь погони. На углу улицы Кондорсе встретил двоюродного брата Вернэ, который, сообразив, в чем дело, с участием заметил ему: «Ваш костюм выдает вас, вы совсем не знаете дороги, вас каждую минуту могут схватить; позвольте мне, по крайней мере, проводить вас за город».

Эта во всякое другое время обыкновенная любезность в *тот момент* была проявлением большого мужества, великодушия, даже отчаянной храбрости. Опасно было провожать Кондорсе в ясный день по многолюдным улицам, мимо тюрем, из которых заключенные выходили только на эшафот, и на каждом шагу читать объявления, что все оказывающие помощь осужденным подлежат смертной казни! Опасность увеличивалась еще оттого, что Кондорсе не мог ходить скоро; его ноги всегда были слабы, а в последние девять месяцев он вообще отвык от ходьбы. В три часа усталые беглецы были за городской заставой, и родственник Вернэ оставил Кондорсе у ворот красивого сельского домика, принадлежавшего людям, которым Кондорсе помогал непрерывно целых двадцать лет. Г-жа Сюр и ее муж, хозяева этого дома, холодно встретили своего благодетеля и не соглашались принять его к себе в дом ранее десяти часов вечера; они обещали ему, впрочем, что калитка будет отперта в это время, пока же посоветовали укрыться в каменоломнях Кламара и, чтобы ему там не было скучно, предложили оды Горация.

Кондорсе машинально взял красиво переплетенный томик Горация и пошел с твердым намерением больше назад не возвращаться. На другой день г-жа Вернэ с удрученным сердцем обыскала все окрестности этого места, но следов Кондорсе не нашла. Она внимательно осмотрела калитку, на которую ей указал ее родственник; перед калиткою лежала куча мусора; было видно, что она не отворялась.

Боясь быть узнанным, Кондорсе оставил большую дорогу и забрался в Медонский лес, но там не было еще никакой тени, листья на деревьях только что развернулись, его легко могли найти. Он шел дальше и блуждал до тех пор, пока в силах был выносить свой голод; наконец он решился зайти в Кламар, деревню, находившуюся у опушки леса, чтобы купить себе табаку. В первом попавшемся кабачке он заказал себе яичницу и на вопрос слуги, из скольких яиц, сказал – из двенадцати; он желал, чтобы его приняли за рабочего, но не имел истинного понятия о нравах последних. В то смутное время, когда подозрением была пропитана вся атмосфера, дюжина яиц произвела сильное впечатление: все обратили внимание на Кондорсе, заметили его беспокойный, рассеянный вид, его длинную бороду с проседью, странную одежду и отказались признать его за простого рабочего. На него посыпались вопросы, кто он. «Вы – не рабочий, – говорили они, – у вас такие белые, нежные руки». Он назвался слугою. Но каменщик, член революционного комитета, заметил ему: «А я так думаю, что вы из тех, которые сами имеют слуг... Где ваши бумаги?» Кондорсе сказал, что не имеет при себе бумаг. Каменщик вызвал жандарма, чтоб доставить Кондорсе в революционный комитет. Кондорсе не сопротивлялся, но вынул из кармана изящное портмоне, желая заплатить хозяйке; это портмоне подтвердило подозрение, что называвший себя слугой и рабочим – не кто иной, как аристократ. Он попросил разменять золотую монету и положил на стол носовой платок, тонкость которого послужила новой уликой; не упустили из вида также томик Горация в зеленом сафьянном переплете с золотым обрезом. Очевидно это был *важный* преступник; местный революционный комитет решил препроводить его немедленно в тюрьму Бург-ла-Рен. Дорогой Кондорсе повредил себе ногу; он едва мог держаться на ногах и падал в обморок. Препровождавшие его жандарм и каменщик искали тележку, но никак не могли достать. Наконец встречный мужик сжалился над ним, уступив свою лошадь, и это было последним явлением сострадания лучшему человеку...

Заклученный в тюрьму Бург-ла-Рен, Кондорсе чувствовал себя в высшей степени утомленным физически. Предполагают, что он умер от разрыва сердца. Носились также слухи, что он отравился ядом, который постоянно носил в перстне. В последние минуты возле Кондорсе не было близкого человека, который бы мог передать нам, как и отчего он умер, но за несколько дней до этого он писал: «Если я сожалею о своей жизни, то исключительно ради своей жены и Элизы; им она была нужна, и Софи она была так дорога. Что касается моей деятельности, – я свое дело сделал: я боролся за благо человечества, я всю жизнь защищал права человека и

последние дни свои посвятил борьбе за свободу. Все мои мысли и чувства принадлежали свободе родного края. Я умираю, как Сократ, служа истине, не принимая ни малейшего участия в интригах и в дикой ненависти партий, готовых погубить все».

Утром 29 марта тюремщик в Бург-ла-Рен пришел в комнату Кондорсе, чтоб сдать его жандармам; но нашел только труп. Кондорсе похоронили на кладбище Бург-ла-Рен под вымышленным именем.

Ламартин в своей «Истории жирондистов» описывает следующим образом причину ухода Кондорсе из дома Вернэ; он говорит: «Если бы Кондорсе имел терпение, то дожил бы до своего освобождения; он погиб от пылкого воображения. При наступлении весны солнце стало заглядывать в его комнату; в нем загорелось желание свободы, ему захотелось увидеть небо и природу, и г-жа Вернэ принуждена была стеречь его, как пленника. Он только и говорил о том, как приятно гулять по полям, сидеть под тенью деревьев, слушать пение птиц, шум листьев и журчанье ручейков. Первая зелень, которую он увидел из своего окна на деревьях Люксембургской аллеи, довела его до безумия».

По поводу этого Араго замечает: «Если бы Кондорсе руководило только желание сидеть под деревом и слушать шум листьев, то он мог бы удовлетворить его, не выходя из дома: на дворе г-жи Вернэ росли пять превосходных лип. Люксембургской аллеи не видно с улицы Сервандони».

Наконец, в той местности, куда устремился Кондорсе, нет ни прекрасной зелени, ни живописных ручейков.

Ламартин, очевидно, судил о причинах действий Кондорсе с той наивностью, с какой дети объясняют себе поступки взрослых людей. Следует ли после того удивляться, что Ламартин не понимал сложной личности Кондорсе и считал его честолюбцем. Не избежала клеветы и вдова Кондорсе; в лагерях, враждебных ее мужу, ее изображали женщиной мстительной и честолюбивой, а Марат обвинял даже в неверности мужу. Но все эти обвинения лишены оснований; мы видели, что Кондорсе в самые горькие минуты жизни был счастлив любовью жены.

Единственная дочь Кондорсе вышла впоследствии замуж за генерала Оконорэ. Она питала глубокое уважение к памяти отца и в 1847 году предприняла полное издание его сочинений. Араго упоминает о том, как сильно была огорчена дочь, встретившая в «Истории жирондистов» неверное истолкование действий своего отца.

Через год после смерти Кондорсе, 2 апреля 1795 года, Дону, один из представителей французского народа, от имени комиссии народного образования обратился в Национальный конвент с просьбой позволить ему

приобрести три тысячи экземпляров последнего труда Кондорсе, известного под названием «Исторической картины прогресса человеческого разума», и употребить на это деньги из сумм, которыми располагает комиссия народного образования. Дону заявил Конвенту, что труд Кондорсе есть классическая книга для школ Республики, драгоценное наследство, оставленное несчастным философом своей родине; сочинение Кондорсе способно внушить молодому поколению самую пламенную веру в усовершенствование рода человеческого. Дону утверждал также, что книгу Кондорсе будут читать и в те отдаленные времена, когда забудут о существовании Робеспьера. К тому же, по мнению Дону, Конвент выразил бы этим должное уважение к памяти собрата. В ответ на этот доклад Национальный конвент издал декрет о приобретении упомянутого сочинения Кондорсе для раздачи его по одному экземпляру каждому из представителей народа и для распространения во всех учебных заведениях Республики.

Так скоро наступили лучшие времена для Кондорсе, и все же их не дождался тот человек, для которого самое подходящее название – «Übermensch»^[1].

Глава VII

Выдержки из завещания Кондорсе. – Советы дочери. – О сострадании. – О труде и счастье. – О благотворительности. – О значении в жизни различного рода привязанностей и симпатий. – Об осознании своих ошибок. – Об отношении к собственным страстям.

Мы заключим наш очерк жизни Кондорсе выдержками из того завещания, о котором уже упоминалось. В советах дочери Кондорсе высказал все свои мысли о насущных вопросах частной жизни, и они могут служить лучшей характеристикой тех правил, которыми он сам руководился.

«Любезная дочь моя, – говорит Кондорсе, – сохрани всю силу своей природной чувствительности: она одна дает нам возможность разделять страдания всего чувствующего. Не ограничивайся одними людьми; распространяй свое сострадание и на животных. Заботься о том, чтобы им жилось у тебя хорошо; не будь нечувствительна к нехитрому выражению признательности; никому не причиняй бесполезных огорчений».

Далее Кондорсе высказывает свои мысли о значении труда для счастья самого человека. Мы с детства привыкаем не только разделять эти два понятия: труд и счастье, – но считать их противоположными, как бы исключаящими друг друга. Кондорсе, очевидно, спешит предупредить это зло по отношению к своей дочери:

«Дитя мое, если мои ласки и заботы в пору твоего раннего детства приносили тебе иногда пользу и утешение, если твое сердце хранит о них память, то эти советы, продиктованные моим сердцем, будут приняты тобой с нежным доверием и послужат твоему счастью.

В каком бы положении ты ни находилась в то время, когда будешь читать эти строки, написанные вдали от тебя мною, равнодушно относящимся к своей собственной судьбе, но занятым твоей участью, подумай, что все, чем ты располагаешь, непрочное...

Привыкай к труду не с единственной целью обходиться без мелких посторонних услуг, но для того, чтобы труд удовлетворял всем твоим нуждам и чтобы в случае крайней бедности ты сохранила свою независимость.

В том случае, если тебе не придется работать для хлеба, уменьшь трудиться избавит тебя от страха перед бедностью и даст тебе возможность спокойно взирать на перемены счастья. Ты меньше будешь дорожить

богатством, хорошо зная, что можешь без него обойтись.

Выбери себе такой труд, который бы не был исключительно ручным, но занимал бы ум, не слишком его утомляя, – труд, окупающийся удовольствием, им доставляемым; без него отвращение, внушаемое трудом, сделает твою жизнь такой же несносной, как и зависимость.

Для людей, которые не ежеминутно заняты и притом одарены деятельным умом, необходимость возбуждения новыми чувствами и мыслями обращается в потребность. Если ты не в состоянии жить одна, если тебе для избежания скуки необходимы другие люди, ты неминуемо должна будешь подчиняться их вкусу и воле.

Удовольствия такого рода скоро перестают занимать, они подобны игрушкам, которые так скоро надоедали тебе в детстве. Пользуясь такими удовольствиями, вскоре приучаешься ценить только их новизну, да и новизна наконец перестает производить впечатление.

Для твоего собственного счастья необходимо запастись находящимися исключительно в твоей воле средствами наполнять свой досуг, прогонять скуку, умерять беспокойства, отвлекаться от горестных чувств. Все это могут дать только занятия искусствами и умственный труд. Навык во всем этом необходимо приобрести в молодости. Если ты не достигнешь известного совершенства в искусстве, не разовьешь, не расширишь и не укрепишь своего разума систематическим учением, то эти источники счастья останутся для тебя всегда закрытыми; твое собственное ничтожество будет внушать тебе отвращение, и удовольствие скоро перейдет в скуку. Употребь же часть своей юности на приобретение этих сокровищ, так необходимых для целой жизни. Любовь матери и ее высокоразвитый ум облегчат тебе сопряженные с этим трудности. Счастье есть дар, который дает нам природа: здесь, на земле, пожинаем мы только то, что посеем.

Не думай, чтобы для этого были неизбежно необходимы особенные таланты и дары природы, зависящие больше от нашей организации, чем от воспитания и нашей воли. Если природа отказала тебе во всех этих дарах, поищи занятий более скромных, но чтобы польза, приносимая ими, возвышала их в твоих собственных глазах. Если твоя рука не в силах изобразить на полотне ни красоты, ни игры страстей, то примись за изображение насекомых и цветов и делай это с точностью естествоиспытателя.

То же относится и ко всем иным занятиям; они должны доставлять неиссякаемое удовольствие, притом постоянно возобновляющееся, – это единственное средство, предохраняющее от скуки, которая предшествует

тупому отвращению от жизни, беспредметной тоске, этому истинному несчастью жизни, вообще безмятежной и обеспеченной. Я тебе нимало не советую отстранять от себя удовольствия и огорчения, которые вносит в жизнь самолюбие; не давай им только преобладать и избегай того, чтобы эти удовольствия были единственной целью всех твоих усилий.

Привычка делать добро, испытывать нежные чувства есть неисчерпаемый и чистейший источник счастья. Она порождает в душе чувство мира, тихой радости, которая придает известную прелесть всем занятиям и даже простому существованию.

Приучи себя с юных лет к благотворительности, но к благотворительности, просвещенной разумом и направляемой справедливостью. Не ограничивайся материальной, денежной помощью, отдавай свои попечения, свое время, свои знания, доставляй нравственное утешение, которое часто дороже всякой помощи. При таких условиях твоя благотворительность не будет исключительно зависеть от твоего кошелька; для тебя же она будет служить занятием и удовольствием. Никогда не забывай, что нуждающийся в помощи по природе своей равен дающему.

Не ограничивайся глубокими чувствами, которыми ты будешь связана с немногими людьми; дай развиться в твоём сердце мирному расположению к людям, с которыми сведет тебя случай, привычный образ жизни, вкусы, занятия.

Пусть люди, оказавшие тебе услуги, вызывают в тебе чувства, находящиеся посредине между дружбою и простым доброжелательством, вложенным в нас природой ко всем существам, нам подобным.

Эти чувства освежают и успокаивают душу, часто утомленную и потрясенную слишком живыми и сильными привязанностями. Они защищают нас от исключительной любви и тем предохраняют от ошибок и огорчений, сопряженных со всяким излишеством. Судьба может отнять у нас наших друзей, близких родных, все, что есть у нас самого дорогого: нам часто приходится переживать их или страдать от их равнодушия и несправедливой измены; другие не могут нам заменить их; наша душа восстает против этой замены; в то же время чувства в некотором роде второстепенные хотя и не в состоянии заполнить пустоты, образовавшейся в нашей душе, но мешают нам вполне ощутить ужас происходящего. Они нас не излечивают, даже не утешают, но смягчают горе, уничтожают его острый характер, они помогают времени превратить его в ту привычную и мирную грусть, которая может представлять даже некоторую уладу.

Имей храбрость сознавать свои ошибки. Это ощущение собственной смелости послужит тебе поддержкой. К сожалениям и угрызениям совести

не будет присоединяться чувство унижения, сопровождающее всякую ложь. Дурные поступки менее вредны сами по себе для счастья и добродетели, чем те пороки, которые они порождают в слабых и испорченных людях. Угрызения совести в душе сильной, прямой и искренней вдохновляют ее на все доброе, честное; ее раскаяние так же плодотворно, как и ее добродетели. Но само собой разумеется, что наслаждения возрожденной души менее чисты и менее нежны, чем радости невинного сердца».

Далее Кондорсе, говоря об отношении к людским слабостям и порокам, приходит к тому, что *все люди нуждаются в снисхождении*, и советует дочери:

«Не ожидай и не требуй от других, чтобы они делали тебе столько же, сколько ты им делаешь. Если ты будешь приносить жертвы, не преувеличивай их в своем воображении. Ты сама убедишься, изучая общественные условия во всех их подробностях, что самое приятное и, смею сказать, самое удобное – жить для других; только живя для других – живешь, в сущности, и для самого себя».

Особую тонкость обнаруживает Кондорсе в описании различных оттенков симпатий между людьми и их значения в жизни. Например, он говорит о людях, душа которых сделалась недоступной для большого счастья:

«Я не стану тебе давать бесполезных советов избегать страстей, стараться умерить слишком живую восприимчивость, я настаиваю только на том, чтобы ты была искренней сама с собою и ни в коем случае не преувеличивала бы свою чувствительность; бойся ложного энтузиазма страстей. Не всегда возможно быть господином своего сердца, но всегда можно не возбуждать его насильно, и в этом заключается все, что можно сказать против излишней чувствительности».

Эти страницы написаны, как говорит Бёрне, кровью сердца и соком нервов. Кондорсе, очевидно, писал их, переживая свое прошлое. В подтверждение этого предположения приведем следующий отрывок:

«Помни, дитя мое, что самый верный залог счастья – это возможность сохранить уважение к самому себе, окинуть взглядом весь пройденный жизненный путь без стыда и без угрызений совести. Это чувство так чисто и отрадно; оно может успокоить душу. В то время, когда ее ничто не оживляет, ни одна мысль не занимает, она отдается тихому мечтанью, и перед ней одно за другим встают воспоминания прошлого».

Глава VIII

Общие итоги теоретической деятельности Кондорсе в области математики, философии, политической экономии; главные заслуги его как основателя теории прогресса в области социологии. – «Картина прогресса человеческого разума». – «Трактат о публичном образовании»

В очерке жизни Кондорсе мы, как всегда, имели в виду показать, при каких условиях возникла и развивалась его теоретическая деятельность и какое влияние на нее оказали различные свойства его ума и характера, а также уяснить – какое значение она имела для него самого в жизни. Теперь мы рассмотрим эту деятельность с другой точки зрения. Мы постараемся дать понятие о том, какое место она занимает в истории тех наук, к которым относилась, в чем заключаются главные научные заслуги Кондорсе, и познакомим читателя с содержанием двух сочинений, представляющих интерес и в настоящее время.

Нам известно, что Кондорсе занимался математикой в своей молодости, да и в то время никогда всецело не отдавался этой науке. Однако он несомненно доказал свой огромный талант и занял свое место в истории математических наук. Мы хотим этим сказать, что имя его встречается на страницах этой истории и чаще всего оказывается связанным с теорией вероятностей. Здесь он занимает почетный ранг; ему приписывают честь применения теории вероятностей к сложным вопросам юриспруденции и политической экономии. Основателями теории вероятностей считают Паскаля и Ферма. Зачатки мыслей Кондорсе находят в попытках Бернулли. Но главный труд принадлежит Кондорсе. Может быть, большой успех Кондорсе в этой области объясняется тем, что он больше в ней работал. Как мы видели, он начал заниматься этим предметом весьма рано и даже в последнем своем проекте конституции 1793 года предлагал Конвенту новый способ выборов, основанный на теории вероятностей. Способ этот не был использован во Франции, потому что и самый проект был отвергнут, но впоследствии мы встречаем успешное его применение в Швейцарии.

В истории теоретической астрономии известно рассуждение Кондорсе об определении пути комет, причем имя его упоминается здесь рядом с именем Эйлера. Что касается трудов Кондорсе по интегральному исчислению, то им и в настоящее время не дано надлежащей оценки, и нам остается сослаться на мнение Араго, который говорит о них следующее: «В

них заключаются впервые высказанные глубокие мысли об условиях возможности интегрирования обыкновенных дифференциальных уравнений всех порядков; в них встречаются мысли, разработанные потом другими математиками, может быть, никогда не читавшими самого Кондорсе». Приблизительно такое же мнение высказал о его трудах гениальный Лагранж. Говоря о новых в то время взглядах Кондорсе на сходимости рядов, Лагранж добавляет, что «они открывают новый путь к усовершенствованию интегрального исчисления».

Мы говорили уже, что большая часть труда Кондорсе по интегральному исчислению, известная Лагранжу, не дошла до нас, и поэтому нельзя удивляться тому, что заслуги Кондорсе в этой области не оценены по достоинству. Араго приводит также другое объяснение этого явления; он указывает на трудность проследить в математике, что именно сделано одним лицом, если заслуги его не представляются особенно крупными. Это не то, что в естественных науках, где каждый скромный труженик может оставить потомству свое имя!

Свои философские взгляды Кондорсе высказывал при каждом удобном случае, но не оставил ни одного сочинения, посвященного собственно философии. Наиболее полное и систематическое изложение его взглядов можно найти в переписке с Вольтером. Сколько известно, Кондорсе никогда не писал о вопросах чистой метафизики; объяснение этому можно найти, обратившись к следующему его суждению, высказанному по поводу «Системы природы» Гольбаха: «Метафизика останется темной областью еще на многие времена, может быть навсегда». Вообще Кондорсе относился к вопросам философии совершенно так же, как Вольтер, Д'Аламбер и другие энциклопедисты. Философии, по их мнению, надлежало освободить людей от суеверия, пробудить в них желание думать, выучить их правильно рассуждать. Кондорсе вполне разделял мнение Вольтера: чем больше люди будут думать, тем легче им будет избежать несчастья. Общий интерес человечества, пишет он, эта главная забота всех добродетельных сердец, – требует свободы мнений, свободы совести, свободы культа прежде всего, потому что эта свобода одна может привести к братству людей. Раз невозможно соединить людей одной верой, необходимо приучить считать братьями всех людей, к какой бы вере они ни принадлежали. Одна свобода может дать человеческому разуму необходимую энергию для познания истины; способствовать всему этому Кондорсе вменяет в обязанность современной ему философии и с этой точки зрения оценивает заслуги современных ему философов. Мы говорили уже о его отношении к Вольтеру, деятельность которого, по

мнению Кондорсе, вполне отвечала истинному назначению философа. Но он не отказывал в справедливой оценке и другим. Приведем следующее мнение его о Руссо: «Если дети не носят больше корсетов, если их разум не обременяют более разные прописи, если они свободны теперь от рабства и оков, то они обязаны этим Руссо».

Нравственность, основанная на расположении к ближним, на сознании прирожденного равенства людей, по мнению Кондорсе, всегда находила себе защитников в рядах философов. Рассуждая об обязанностях философов по отношению к правителям, он высказывает мнение, что истинные враги королей – не философы, а патеры. Философы должны разливать свет, умиротворять, учить людей терпимости, заступаться за угнетенных, искоренять везде дух фанатизма и политического ханжества, убежденный в этом, Кондорсе стремился доказать, что веротерпимость необходима для устойчивости правительства. В 1781 году он издал трактат о законах, регулировавших в то время права протестантов во Франции. Результат этого труда был самый благоприятный: Людовик XVI решился улучшить их положение.

Воззрения Кондорсе на нравственность и ее происхождение мы находим главным образом в критике сочинений Гельвеция, в письмах к Тюрго и в примечаниях к изданию «Писем Паскаля». Известно, что Паскаль в последние годы своей жизни занимался сочинением религиозного характера. Затем оно было издано с различными искажениями отшельниками Пор-Рояля. Кондорсе издал вновь «Письма Паскаля», восстановив пропущенные места и приложив свою трезвую критику. Книга эта не предназначалась для продажи, экземпляры этого издания получили только друзья Кондорсе. Паскаль, под влиянием своей мизантропии, говорил: «Если бы все люди знали, что толкуют о них за глаза, то ни у кого не было бы друзей». В то же время он объясняет все самые великодушные поступки человека себялюбием и честолюбием. Мы знаем уже, как далек был Кондорсе от теории эгоизма и утилитаризма. Противные ему взгляды он опровергал фактами. Приведем один, заимствованный им из французских морских летописей. У берегов Франции тонул корабль, на котором находился кавалер Лордо, не умевший плавать; один матрос, ловкий пловец, сказал ему: «Бросайтесь в море и хватайте меня за ноги; я вас спасу». От долгого плавания силы матроса истощились. Лордо некоторое время поддерживал в нем бодрость выражением своей признательности. Наконец матрос опустил руки и сказал, что неминуемая гибель ждет их обоих. «А если бы ты был один?» – спросил Лордо. «Тогда может быть мне удалось бы спастись», – отвечал

матрос. Услышав это, Лордо выпустил из рук ноги матроса и пошел ко дну. Такие факты убеждали Кондорсе, что *корень нравственности есть чувство сострадания*. Он писал Тюрго: «Я пришел в такую же ярость, как и вы, прочитав у Гельвеция, что дети ненавидят родителей и что мы любим только тех, кого презираем».

Признавая источник нравственности в чувстве, Кондорсе в то же время усматривал тесную связь между умственным развитием и нравственностью.

Нам известны политико-экономические труды Кондорсе; мы говорили о происхождении и значении их в жизни философа; нам остается дать характеристику этой его деятельности, познакомив читателя с воззрениями на нее современных экономистов. Большинство взглядов Кондорсе, относящихся к этой области знания, представляют только дальнейшее развитие чужих взглядов. Он сам говорит: «То, что есть истинного и полезного в моих взглядах, принадлежит не мне». Он, очевидно, намекает на сходство их с воззрениями Тюрго. И вообще Кондорсе является прямым последователем школы физиократов. Он развивал симпатичные ему идеи и в дополнениях к «Энциклопедии», и в отдельных сочинениях, в которых подвергал обсуждению самые жгучие и насущные вопросы.

В «Письме земледельца из Пикардии к протекционисту», в статьях против монополии и в «Рассуждении о барщине» Кондорсе первый высказал мысль о том, какую огромную выгоду представляет уничтожение крепостного права для сельского хозяйства, для земледельцев и для землевладельцев. Все эти сочинения относятся к 1775 году. В следующем, 1776 году он издал свой самый блестящий экономический трактат, «Рассуждения о хлебной торговле». В нем Кондорсе, исходя из политической точки зрения и поддерживая мнение физиократов о преимуществах земледельческого труда перед трудом ремесленным и фабричным, высказывает мысль, что землевладельцы и земледельцы более заинтересованы в нуждах своего отечества, потому что более к нему, так сказать, прикреплены. Автор склоняется в пользу земледелия, имея в виду то, что деревенская жизнь менее развращающим образом действует на физическую и нравственную природу человека. При всем том Кондорсе несколько не поддерживает мнение физиократов о бесплодности ремесленного и фабричного труда, признанное в настоящее время совершенно ложным. В свободе же торговли он видит единственное средство для устранения временной и местной нужды. Только эта свобода открывает возможность конкуренции, ведущей к понижению вознаграждения за посредничество; за этим же следует понижение цен на

хлеб. Но оно никогда не бывает чрезмерным, что становится невыгодным для всех классов. Кондорсе утверждает, что на положении рабочего класса всегда плохо отзывается всякое большое и быстрое колебание цен на хлеб; он видит все спасение в уравнивании цен с помощью свободы торговли. Имея это в виду, Кондорсе высказывается в пользу не только свободы внутренней, но и внешней торговли, говоря, что она приведет к падению средней цены на хлеб не только в каком-нибудь одном данном государстве, но и в целой Европе. В то же время он допускает некоторое временное ограничение вывоза хлеба из данной страны, когда это действительно требуют обстоятельства.

Заметим также, что во всех этих сочинениях, как и в позднейших политического характера, Кондорсе является защитником частных прав и благосостояния как отдельных государств, так и лиц, и нигде не требует безусловного принесения их в жертву общему благу. Вместе с тем он признает так называемое право на труд и считает обязанностью правительства обеспечивать подданных работой и заработком в обыкновенное время и приходить на помощь нуждающимся во время общественных бедствий, в случае голода и так далее.

Во взглядах своих на налоги Кондорсе также вполне сходится с физиократами. Он признает самым справедливым налогом подать, пропорциональную чистой выручке (*produit net*). Для достижения же этой пропорциональности рекомендует прямой налог, взимаемый с продуктов, собираемых с отдельных участков земли.

Что же касается прогрессивного налога, то Кондорсе нельзя причислить к его защитникам. На вопрос, должен ли богатый платить больше, чем следует, только потому, что он богат, Кондорсе отвечает следующим образом: «Не будем подчиняться идеям преувеличенной нравственности; будем справедливы к народу, но воздержимся от всякой несправедливости даже в его пользу». Он отвергает также всякий налог на роскошь и является решительным противником всех косвенных сборов. Последние, по его мнению, все в конце концов сводятся к прямым налогам, но влекут за собой большие издержки при взимании и могут принести денежную выгоду государству, только если сопровождаются разного рода стеснениями. По тем же причинам Кондорсе восстает еще больше против всяких личных налогов, признавая из них справедливым один квартирный, да и то в том случае, когда ему не подлежат скромные жилища. Легко понять, что при таких взглядах на налоги Кондорсе был заклятым врагом всякого рода монополий. Взгляды его на таможенные пошлины находятся также в полном соответствии со всеми приведенными нами здесь; он

говорит: «Такие пошлины вредны, так как, подавляя конкуренцию, они устраняют единственное справедливое и практическое средство – соревнование в промышленности. Такие пошлины по природе своей несправедливы». И здесь, как всегда, Кондорсе рассматривает вопрос с двух сторон: со стороны справедливости и с точки зрения практичности. В последнем отношении пошлины имеют еще то неудобство, что поощряют часто одни виды сельского производства и мануфактуры в ущерб другим. Но такое поощрение обуславливается выбором, который может оказаться ошибочным, и так далее. По этому поводу Кондорсе замечает: «Администраторы! Предоставьте этот выбор частному интересу и природе вещей, которые никогда не ошибаются».

Все эти взгляды из области политической экономии вполне отвечают общим мнениям человека, убежденного в том, что люди всех стран должны иметь один общий интерес.

Из всех известных нам представителей физиократии в эпоху революции и Конвента Кондорсе отличался наиболее справедливым отношением к Адаму Смиту; он как бы предугадывает значение его воззрений для будущего и, опередив во многом своих современников, ближе их подходит к воззрениям нашего века.

Итак, мы видим, что хотя воззрения Кондорсе в области политической экономии имеют весьма много общего со школой физиократов, нельзя сказать, чтобы они были заимствованы им; напротив, эти воззрения настолько вытекали из его общих взглядов на вещи, настолько обуславливались всеми особенностями его души, что их следует считать его неотъемлемой собственностью. Формально он заимствовал многие из них, потому что нашел их готовыми, но он пришел бы к ним сам. Отличаясь полным отсутствием тщеславия, Кондорсе совершенно не заботился о том, чтобы создать в какой-нибудь области свое, он просто искал истину и заботился лишь о благе человечества.

Кондорсе первый догадался приложить математику к вопросам политической экономии. Огюст Конт и его последователи не вполне одобряют это увлечение математикой и утверждают, что математический метод мало соответствует сложности общественных явлений. Все это, вообще говоря, справедливо, но настоящее все же подтвердило главную мысль Кондорсе о приложимости арифметики к определению смертности и рождаемости; основываясь на этом, Кетле создал целую новую науку. Современные же экономисты признают, со своей стороны, что применение математического метода в политической экономии, хотя и не может обогатить эту науку новыми истинами, приносит пользу, позволяя точнее

формулировать результаты. Нам известны три сочинения Кондорсе, в которых он главным образом высказал свои мысли о применении математики к решению вопросов, касающихся определения причин увеличения и уменьшения смертности, а также причин, обуславливающих колебание цен: 1) «Discours de M. de Condorcet en réponse à celui de M. le comte de Choiseul-Gouffier» (le jeudi 26 février 1784), 2) «Discours sur l'astronomie et le calcul des probabilités», lu au lycée 1787 и 3) «Tableau général de la science, qui a pour objet l'application du calcul aux sciences politiques et morales».

И современные экономисты признают, что все сделанное в этом направлении в настоящее время было в общих чертах намечено Кондорсе.

Заслуги нашего философа в области политической экономии легко понять, если вспомнить, что многие просвещенные экономисты называют ее наукой, созданной Тюрго и Адамом Смитом; нам же известна тесная связь, существовавшая между Тюрго и Кондорсе, при которой трудно даже определить, где кончалась мысль одного и начиналась работа другого.

От трудов по политической экономии переходим к сочинениям Кондорсе, относящимся к политике. Число этих сочинений очень велико. Мы не находим в них пристрастия к какой-нибудь форме правления. Политические взгляды его, так ясно сформулированные в плане конституции 1793 года, выработались постепенно. Из очерка жизни Кондорсе мы видели, что он стоял за монархию, когда думал, что, опираясь на нее, можно избавить соотечественников от бедствий с помощью мирных финансовых реформ. Но, меняя свои взгляды на формы правления, он всю жизнь оставался верен глубокой ненависти к деспотизму, в каких бы видах он ни проявлялся. Кондорсе не раз выражал мнение, что деспотизм многих лиц – например какой-нибудь корпорации – даже вреднее и опаснее, чем деспотизм одного лица; в последние годы своей жизни он первый заговорил о деспотизме толпы. И можно сказать, что вся его политическая деятельность, теоретическая и практическая, была направлена к ограждению всех и каждого от деспотизма. В сочинениях своих, относящихся к политике, он высказал много самобытных и плодотворных мыслей. В своих «Письмах ньювегенского буржуа к гражданину Виргинии» он стремится соединить все выгоды представительства с прямым участием всего народа в законодательстве. Такой взгляд в то время явился вполне новым. Он смело предлагал реформы, не отмеченные в английской конституции, перед которой слепо преклонялись тогда французы. Кондорсе же восставал против консервативности англичан; он был ярым противником принятия *неизменной конституции*. Ему дорога

была свобода грядущих поколений, и он стоял за сохранение возможности пересмотра конституции для того, чтобы люди могли приспособить ее к новым требованиям. В своих «Письмах американского гражданина» он восстает против действий парламента, предсказывая, что парламенты готовят Франции аристократическую тиранию. Из этого видно, что Кондорсе далек был от того, чтобы видеть спасение во всевластном парламенте, подобном английскому; он скорее был проникнут американской теорией политической свободы.

Тесная дружба с американским посланником Джефферсоном много способствовала этому. Кондорсе разделял мнение Джефферсона, что главной основой всех законов должны служить естественные права человека. Эти права состоят в свободе личности и ее безопасности, в свободе собственности и ее безопасности, в равенстве – не в смысле поголовной одинаковости образования и состояния, а в смысле отсутствия всякого различия перед законом. И в политике, как и в политической экономии, Кондорсе является сторонником землевладения, врагом привилегий и допускает только налоги, пропорциональные чистому доходу, обнаруживая во всем редкую последовательность и цельность мирозерцания. Мысли свои, относящиеся к этим предметам, он излагал в виде научных трактатов или высказывал в форме памфлетов, отличавшихся изысканным остроумием.

Главные заслуги Кондорсе относятся к области социологии, истинной *философии истории*, которой он положил начало. В этом отношении он, можно сказать, не имел предшественников. Огюст Конт, творец положительной философии, говорит: «Со времен Монтескье единственный успех социологии связан с именем знаменитого и несчастного Кондорсе. В его трактате впервые научно сформулирована идея *поступательного* движения человечества. До Кондорсе существовала теория, уподобляющая историю человечества жизни одного лица и сравнивающая различные периоды истории с возрастом младенчества, возмужалости и старости. Такой взгляд оказал вредное влияние: жизнь отдельных народов казалась оконченной, и думали, что если такая пора для нации наступила, то ничто не может спасти ее; кроме того, история представлялась каким-то фатальным круговоротом, что влияло удручающим образом на энергию человека». Упомянутая теория принадлежала Вико; она имела за себя кажущуюся правдоподобность; в доказательство ее обыкновенно приводили сравнение классического древнего мира с феодальной анархией Средних веков. Эти взгляды повлекли за собой мнение, что человек, отдаляясь от своего «естественного состояния», утрачивает право личной

свободы и равенства и, одним словом, идет назад. Кондорсе же строго доказывает полную несостоятельность этого неутешительного мнения. В то же время Кондорсе не закрывает глаза на печальные факты – он признает существование таких эпох, в которые человечество отступало назад или уклонялось от истинного пути. «Прогресс человеческого разума, – говорит он, – не всегда идет рука об руку со стремлением людей к добродетели и к общему благу. Этим объясняется, почему в Средние века – эпоху полного упадка знаний – могла совершиться замена рабства крепостным правом». В то же время он утверждает, что не успех знаний, а упадок их влечет за собой развитие пороков. Разъяснение этих *кажущихся* противоречий составляет одно из главных достоинств труда Кондорсе.

Если мы сравним сочинения Огюста Конта с трудами Кондорсе, то увидим, что все преимущества первых обуславливаются только временем, то есть прогрессом других наук, которые тесно связаны с социологией. Во время Кондорсе эти науки находились далеко не в таком состоянии, в каком находятся теперь. И весьма вероятно, что только это помешало Кондорсе сделаться творцом положительной философии.

Взгляды Кондорсе, о которых мы говорили, высказаны им в сочинении «Картина прогресса человеческого разума», которое было написано, как мы знаем, в самых тягостных условиях. В предисловии своем к этому сочинению автор говорит:

«Я должен ограничиться *общими* чертами, характеризующими различные эпохи, через которые роду человеческому надлежало пройти; эпохи, свидетельствующие о прогрессе и регрессе, раскрывают перед нами их причины и следствия.

Я нисколько не намереваюсь здесь дать всеобщую историю наук, искусств и философии, но хочу представить только часть этой истории, могущую помочь охватить тот путь, которым пришли люди от первого понятия о нумерации к дифференциальному исчислению, от простейших часов – к самым совершенным механизмам, от первых двух-трех правил мудрости – к философской системе Локка, Смита и других мыслителей.

Я также уклонился бы в другую сторону, если бы вздумал дать полную теорию развития человеческих способностей, если бы я задался целью изложить в подробностях даже проявления человеческого ума, природу наших нравственных чувств, подвести под какую-нибудь систему социальную науку, изложить правила, лежащие в основе искусств.

В мой план не входит вообще история человека, я хотел показать только, как с течением времени человек мало-помалу обогатил свой ум новыми истинами, усовершенствовал и расширил свои силы, научился их

лучше употреблять для своего собственного благосостояния и для пользы общественной».

Одним словом, Кондорсе стремился только доказать, что род человеческий способен к беспредельному совершенствованию.

«Наши надежды, – говорит Кондорсе, – относительно будущего человечества сводятся к трем главным пунктам: к уничтожению неравенства между нациями, к упрочению равенства между людьми, составляющими один народ; наконец, к истинному усовершенствованию самого человека». Отвечая на эти вопросы, Кондорсе доказывает, что умственное развитие в конце концов должно привести к нравственному усовершенствованию. Если мы встречаем противоречия этому в истории, то они объясняются тем, что мы ограничиваемся чересчур короткими промежутками времени, в которые умственное и нравственное развитие не могут находиться на одном уровне. Что касается умственного развития, то оно вполне обеспечено: в наших руках находится воспитание подрастающего поколения, которому мы передаем не только запас приобретенных человечеством знаний, но также и усовершенствованные методы для приобретения новых.

Одним из могущественных средств для распространения знаний могло бы служить, по мнению Кондорсе, введение всемирного языка.

Под последним он понимает такой язык, который выражает с помощью знаков простые и сложные идеи, отношения между ними и логические операции, свойственные каждой отдельной науке или искусству. Таким образом, все люди, изучившие эти знаки, способы их комбинаций и законы их образования, в состоянии будут понять написанное на этом языке и выразить с большой легкостью на своем собственном. Такой язык будет служить для выражения теоретических взглядов, относящихся к какой-нибудь науке, для изложения правил искусства, для сообщения нового опыта или наблюдения. Новый всемирный язык будут изучать вместе и неразрывно с данной наукой. Итак, естественным всемирным языком может быть только отвлеченный язык знаков, а никак не язык звуков, который всегда включает в себе много индивидуального и психологического или является чем-то искусственным, а потому плохо прививается; язык знаков также вполне отвечает общечеловеческим логическим процессам. Но препятствием к введению такого языка служит недостаточная ясность и выработанность понятий, лежащих в основе многих наук.

Кондорсе предсказывает также великую будущность теории вероятностей в истории гуманитарных наук. Вообще он выражает в этом

сочинении самые свои душевные мысли и пожелания человечеству. «Картина прогресса человеческого разума» состоит из двух частей; первая часть включает в себе всю картину прогресса в самых общих чертах. Эту часть Кондорсе считал необходимым введением. Вторую часть и следующие за ней предполагалось посвятить изложению фактов, служащих для развития и подтверждения общих выводов, высказанных в первой части. Обладая изумительной памятью, Кондорсе написал вторую часть, но к великому своему горю увидел, как мы сказали, невозможность продолжать труд, не имея под руками никаких книг.

Кондорсе делит историю человеческого прогресса на десять эпох. Первая относится к тому времени, когда люди жили отдельными семьями; затем несколько семей, живших поблизости, соединялись в одно целое, как бы составляя один народ; вторая эпоха – эпоха пастушеских народов и перехода к земледелию; третья эпоха характеризуется успехами земледельческих народов до изобретения письма; четвертая эпоха отмечена успехами человеческого ума в Греции до того, как произошла специализация наук, совершившаяся в царствование Александра Македонского; пятая эпоха – развитие наук со времени их специализации до их упадка; шестая эпоха – упадок просвещения, реставрация последнего во время крестовых походов; седьмая эпоха – первые успехи наук со времени их реставрации до начала книгопечатания; восьмая эпоха – от изобретения книгопечатания до того времени, когда философия и наука свергли его авторитета; девятая эпоха – от Декарта до Французской Республики; десятая эпоха – будущие успехи человеческого ума.

Уже из одного содержания первой книги легко усмотреть, что это сочинение Кондорсе отличается большой оригинальностью. Кондорсе рассматривает историю человеческого прогресса не глазами оптимиста; он смотрит на нее с точки зрения математика, – признавая все отклонения от прямого пути к прогрессу весьма малыми, если принять во внимание, что путь этот бесконечно велик. Такой взгляд не мешает видеть все, что есть дурного в настоящем, и признавать регресс в том или другом отношении; но он внушает веру в то, что все это – временное и не может совершенно отклонить человечества от пути к прогрессу умственному и нравственному. В десятой главе первой книги, посвященной будущему человечеству, мы читаем:

«Если человек может с большой достоверностью предсказывать явления, законы которых ему известны; если, даже не зная этих законов, он в состоянии судить о будущем по прошлому, то нет оснований считать химерою попытку представить себе картину будущего человеческого рода,

соображаясь с его историей.

В науках естественных единственное основание веры – это идея, что все общие законы, известные и неизвестные, но управляющие явлениями вселенной, суть непреложные и неизменные. Отчего бы этот принцип не должен иметь силы в истории развития умственных и нравственных способностей человека?»

Мы говорили уже о том, какое важное значение Кондорсе придавал воспитанию в деле усовершенствования рода человеческого. В качестве дополнения скажем теперь несколько слов о его сочинении «Sur l'instruction publique» («Об общественном образовании»), имеющем тесную связь с предыдущим.

Кондорсе делит общественное образование на пять различных ступеней. Первая ступень – первоначальная школа, дающая знания, необходимые для всех и каждого; вторая ступень – школы, где получают сведения, необходимые для отправления простейших обязанностей; третья ступень – институты, где под руководством профессоров люди готовятся к высшему образованию; четвертая ступень – высшие заведения или лицеи; и, наконец, пятая ступень – национальное общество, направляющее образование целой страны и занимающееся вообще усовершенствованием наук и искусств.

Общественное воспитание, по мнению Кондорсе, составляет обязанность государства перед гражданами. Без него невозможно равенство перед законом. Философ подробно развивает это положение и доказывает его, как геометрическую теорему. В то же время он не допускает мысли о поголовном равенстве образования, степень которого вообще должна определяться различными внутренними и внешними условиями; Кондорсе с большой ясностью устанавливает *minimum* образования, необходимый для того, чтобы один человек не находился во власти другого, говоря: «Человек, не знающий арифметики, разумеется, находится в зависимости от человека, обладающего этим необходимым знанием, но последний нисколько не зависит от ученого математика». Кондорсе требует, чтобы все обладали знаниями, безусловно необходимыми в жизни. Он надолго останавливает свое внимание на этом важном предмете и затем строго доказывает, что *неравенство образования есть первая причина порабощения одного человека другим.*

От образования умственного он переходит к нравственному развитию и отчетливо проводит мысль: для того чтобы сгладить неравенство между людьми, необходимо уничтожить резкие различия в их нравственных чувствах, привычках и обращении. Человек с нежными, тонкими

чувствами, хорошо воспитанный, неохотно протянет руку человеку грубому, неотесанному; поэтому необходимо, чтобы и в этом отношении существовала, так сказать, общая норма благовоспитанности для всех людей.

Во всех его взглядах проявляется бесконечная любовь к человеческой природе.

Кондорсе говорит: «При распределении труда надо иметь в виду, чтобы оно не приводило к умственной тупости, не забивало бы тех способностей человека, которые необходимы всем и каждому». Здесь автор входит в большие подробности, устраняя тем все могущие возникнуть недоразумения.

Каждая строка этого сочинения проникнута уважением к правам человека. «Общественное воспитание должно ограничиваться образованием, – говорит Кондорсе, – и не посягать на права родителей, которым должно быть предоставлено нравственное воспитание».

Желая распространить необходимое образование между всеми людьми, Кондорсе придает большое значение методам, облегчающим усвоение предмета.

Он высказывает мысль, что нельзя навязывать временные мнения как вечные истины, вступаясь всегда и везде за неприкосновенность природы человека. В то же время он стремится к тому, чтоб общественное образование облегчало людям практическую жизнь, и советует сообразовываться с требованиями времени. Сочинение его изобилует также очень верными замечаниями относительно более частных вопросов – обязанностей учителей и так далее. И все эти частные взгляды строго отвечают главной идее: образование и воспитание должны подготовить людей к равноправию. Согласно этому образование должно быть одинаковым для мужчин и для женщин. Такой же взгляд проводил Д'Аламбер и другие энциклопедисты. Из многих замечаний Кондорсе видно, что не одна идея равенства привела его к таким соображениям; он утверждал, что женщины могут оказать пользу науке, делая наблюдения и составляя элементарные книги; перед его глазами были живые примеры – труды его собственной жены, г-жи де Шателэ и других женщин XVIII столетия. Для воспитания детей Кондорсе считал необходимым широкое образование матерей, и он с глубоким знанием действительной жизни разъяснял своим современникам все зло, происходящее от отсутствия этого образования.

Наконец, неравное образование, по его мнению, непременно должно вести к неравенству между членами семьи и помешать их счастью. Этой

мысли он посвящает немало таких страниц, которые и в настоящее время могли бы выяснить многое; далее он развивает мысль, что мужчины легче бы сохранили свои знания, если бы жены их принимали участие в умственном труде, и весьма поэтично описывает совместный умственный труд мужчины и женщины. Он доказывает, сверх того, что, помимо пользы, женщины имеют несомненное право на высшее образование, и приводит в пример итальянок, занимавших с успехом кафедры в университетах. Согласно всему этому Кондорсе не только допускает, но даже считает полезным совместное обучение обоих полов.

Вопросы о конкуренции и ее последствиях, конечно, не принимались во внимание человеком, которому жизнь, по его же собственным словам, представлялась не борьбой соперников, а совместной деятельностью людей-братьев. Эти взгляды Кондорсе произвели, между прочим, глубокое впечатление на замечательную женщину его века, известную Софи Жермен – математика и философа.

Кондорсе признавал, что стимулом человеческих действий всегда служат удовольствие и личный интерес, но вместе с тем думал, что социальные науки должны стремиться уменьшить число случаев, в которых общественный интерес противоречит личному; с другой стороны, воспитание и образование должны развить в нас *естественный* интерес к общественному благу.

Мы познакомили читателя с теми из сочинений Кондорсе, в которых с наибольшей отчетливостью выступают его заслуги; они свидетельствуют о том, что Кондорсе вообще отличался сильным и оригинальным умом, не уступая в этом отношении самым выдающимся людям своего века.

Примечания

1

сверхчеловек (*нем.*)